

विजयविजय
नोकविजय

или, если точнее,

про царя Викрама,
мертвеца Бетала,
бабая Виджая
и моральные ценности
древних индийцев

Гайдук, Д.

Индийский покойник / Дмитрий Гайдук. – М.: Авторское издание, 2016. – 192 с.

ISBN ???????????

Современный пересказ древней индийской повести «Двадцать пять рассказов ветапы», известной также под названиями «Викрам и вампир», «Викрам и Бетал» и «Волшебный мертвец». История о том, что рассказал покойник царю Викраму, как Викрам решил его задачу, какое истинное сокровище он получил в награду, и что случилось впоследствии с болтливым мертвецом.

УДК ???

ББК ???

© Дмитрий Гайдук, 2009

© Иллюстрации:

Фукс Дефинбахер, 2016

**Как Викрам Адитья
с Беталом познакомился**

Была когда-то Индия. Очень-очень древняя Индия. И правил в ней Викрам Адитья, царь царей индийских. Умный как Соломон, красивый как Гарун ар-Рашид, смелый как Ричард Львиное Сердце – и щедрый как Владимир Красно Солнышко – короче, идеальный со всех сторон. Все древние индийцы его любили и уважали.

Сидел Викрам на троне в городе Уджайне. Ежедневно с утра до обеда, если не было войны, стихийного бедствия или религиозного праздника. И приходили к нему всякие граждане со всякими проблемами или вовсе без проблем, чисто просто на царя полюбоваться. И охрана всех впускала – царь Викрам от народа не прятался. Проблемы он щелкал как семечки, судил справедливо, одаривал щедро, а любоваться на него можно было вообще бесконечно.

И как-то повадился к нему захаживать один духовный старикан. Волосы пучком, борода лопатой, на лбу три белых полосы, вместо рубашки белая тряпка, вместо штанов другая белая тряпка. Вплывает важно и торжественно, всегда в один и тот же час, молча вручает царю какой-то непонятный фрукт и молча удаляется. И так изо дня в день целый месяц подряд.

Викрама этот дед ничуть не занимал. Такие бабаи по Индии всюду бродят, на каждого оборачиваться – голова отвалится. Экзотический фрукт его слегка интриговал, но не настолько, чтобы прямо при народе его исследовать. Он думал: "Ладно, потом разберусь", – и передавал этот фрукт казначею. А казначей его утаскивал в казну, и Викрам очень быстро про него забывал. Ну, не такой прикольный подарок, чтобы о нём до вечера помнить.

А обезьяна помнила. Обезьяна каждое утро с крыши высматривала, не идёт ли старик. А как заметит его, так сразу на карниз перебирается, поближе к окну – и глядит во все глаза, не оставят ли фрукт без присмотра. Но казначей у Викрама внимательный был, ни одного шанса обезьяне не давал. И тогда она решилась обратиться напрямую к царю – он же щедрый, вряд ли откажет.

Влезла в окно прямо в приёмные часы, подбежала к трону и ну царю кланяться! И на фрукт показывает, и на свой рот показывает, и ручки молитвенно

складывает – очень понятная пантомима! Викрам рассмеялся и велел казначею удовлетворить обезьянье прошение.

Обезьяна фрукт ухватила, в полсекунды его сожрала, косточку на пол выплюнула и в окно слиняла. Животное есть животное – никакой от него благодарности, только мусор на полу. Но казначей к этому мусору пригляделся внимательно и прошептал по-древнеиндийски: "Ох, ни фиги себе!" И поднял косточку, и тщательно обтёр её от обезьяньих слюней, и за пазуху упрятал. А когда все граждане разошлись, показал её Викраму. И тут уж и Викрам промолвил: "Ох, ни фиги себе!" Потому что на самом деле это был рубин. Размером примерно с манговую косточку, или около того.

Побежали они с казначеем в хранилище, расковыряли остальные фрукты. И везде вместо косточек обнаружили здоровенные драгоценные камни! Казначей прикинул их суммарную стоимость и заявил: "А ведь это примерно четверть нашей казны!"

В общем, на следующий день, когда бабай пришёл, Викрам со своего трона сошёл и приветствовал его глубоким поклоном. И велел выйти из зала всем, включая охрану и казначея. И остался с дедом один на один, и спросил:

— Кто ты такой, о, почтеннейший? Как тебя зовут? И почему ты даришь мне такие дорогие подарки?

Старик ответил:

— Я человек. Зовут меня Виджай. И я не дарю тебе дорогих подарков. Это всего лишь бесполезные камешки. Из них не построишь дом, ими не вымостишь дорогу – вся их ценность порождается твоим умом, который привык считать их ценными. И пока твой ум забавляется безделушками, истинные сокровища остаются для него недоступными.

Викрам согласился:

— Да, это верно. Мой ум привык считать эти безделушки драгоценностями, и у моего казначея такие же привычки, и большинство моих подданных мыслит примерно так же. Ты, просветлённый, мог бы поведать нам об истинных сокровищах – но ты приходишь молча и уходишь молча, и оставляешь здесь эти бесполезные камни. Почему ты так поступаешь?

Виджай ответил:

— Все эти дни мои приношения казались тебе скромными – и ты даже не смотрел в мою сторону. Вчера ты обнаружил в них рубины, сапфиры и алмазы – и сразу захотел поговорить со мной об истинных сокровищах. Но скажи мне, Викрам: заинтересовали бы тебя мои истинные сокровища, если бы во фруктах не оказалось бесполезных камней?

Тут Викраму стало стыдно. Вроде бы, царь царей – а выставил себя тупым жлобом! Повёлся на блестяшки, как та обезьяна на фрукты, и ни разу не разглядел, какой мощный мудрец ему визиты наносит!

И Викрам сказал:

— Прости меня, Шри Виджай Гуруджи! Мой ум переполнен суетой и неспособен отличить подлинное от мнимого. Меня считают мудрым, но сегодня ты показал мне, чего на самом деле стоит моя мудрость. Я виноват перед тобой. Чем я могу искупить свою вину?

Виджай ответил:

— Ты виноват перед самим собой. Боги одарили тебя щедрее, чем любого из смертных – но и эти щедрые дары исчерпаются, если их не приумножать. Уже сейчас ты поверхностен и недогадлив – а через десять лет станешь рассеян и туповат – а ещё через двадцать будешь непонятливым и глупым. Но сам ты это не заметишь – ты по-прежнему будешь считать свой разум совершенным, и придворные подхалимы будут превозносить твою мудрость, обманывая и обкрадывая тебя на каждом шагу. И каждым своим деянием ты будешь портить свою карму, ибо глупость – мать всех грехов; и имя своё ты покроешь позором, а царство твоё придёт в упадок. Вот конец пути, по которому ты идёшь, и вот в чём ты виноват перед самим собой. Передо мной же ты ни в чём не виноват, об этом можешь не беспокоиться.

Тут у Викрама аж внутри похолодело: ведь старик во многом прав, если не во всём! Ума у царя царей за последние годы явно не прибавилось. И уже не раз он за собой замечал, что временами морозит явный тупняк, во многие новые темы вникать обламывается, а в некоторые просто уже не врубается. И хоть бы

кто-нибудь ему об этом намекнул – так нет же! Все кругом долдонят: Викрам премудрый! Викрам гениальный! С таким коллективом и точно мозги на помойку отнесёшь – если не сейчас, то через десять лет однозначно.

— Так что же мне делать? — спросил Викрам.

И Виджай сказал:

— В ночь новолуния приходи на старое кладбище. Там я вручу тебе истинное сокровище. Оно убережёт тебя от позора и спасёт твоё царство от упадка.

И ушёл, и с тех пор больше не появлялся и фруктов не передавал. А Викрам еле дождался новолуния и прямо с вечера помчался на старое кладбище. По сути, это было не кладбище, а как обычно у индусов – утоптанная площадка, где сжигают трупы. Там рос большой баньян, а под баньяном горел костёр, а у костра сидел Виджай – неподвижный, страшный и как будто в два раза выше, чем раньше. Сидел и молчал, но было заметно, что он не просто так молчит, а что-то очень важное внутри себя работает.

Викрам к костру подошёл и напротив сел. Посидели-помедитировали минут пятнадцать – и тут Виджай вдруг произнёс замогильным голосом:

— Викрам! Настало время действовать. За рекой есть лес, в лесу тамариндовое дерево, на дереве висит мертвец. Ступай и принеси его мне.

Викрам поднялся, поклонился, в лес отправился, дерево нашёл. На нём и в самом деле висел мертвец, почему-то вниз головой. Был он голый, тощий и лёгкий, как пересушенная вобла. Викрам отвязал мертвеца, взвалил на плечи и поволок к Виджаю.

Едва Викрам от тамаринда отошёл, мертвец раскрыл глаза и сказал:

— Привет! Ты кто такой?

Викрам ответил:

— Викрам Адитья, царь царей индийских.

Мертвец сказал:

— Во как... А я Бетал, простой индийский покойник. Ну, и куда ты меня тащишь, царь царей индийских?

Викрам ответил:

— Я несу тебя к Шри Виджаю.

Бетал возразил: — Э, нет! К Виджаю я не хочу! Уж лучше на дереве висеть!

И спрыгнул с Викарама, и улетел на свой тамаринд, и ловко повесился вниз головой.

Викрам вернулся, снова отвязал Бетала, взвалил на плечи и поволок к Виджаю. Бетал пытался вырваться, но Викрам на этот раз держал его очень крепко.

Бетал возмутился:

— Царь царей, ты что, не понял? К Виджаю я не поеду!

Викрам ответил:

— Я должен доставить тебя к Шри Виджаю. И я это сделаю, чего бы мне это ни стоило.

И тут Бетал выскользнул из его рук и взлетел в воздух. Викрам и оглянуться не успел, как он опять повис на ветке.

Викрам опять отвязал Бетала и опять взвалил его на плечи. Бетал опять попытался вырваться и опять заговорил:

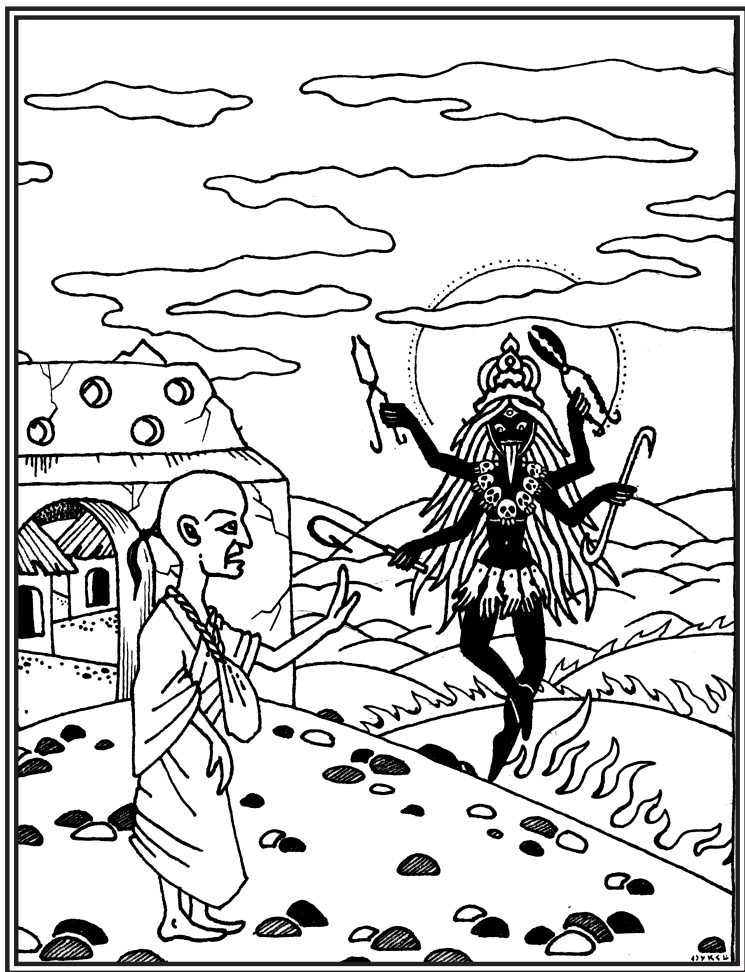
— Викрамджи, есть мнение, что ты заблуждаешься. Виджай не шри, не свами и не гуру – он классический прохиндей и мозгокрут. С чего ты вдруг решил, будто ты ему что-то должен?

Но Викрам не ответил. Он уже догадался, что говорить нельзя: едва он скажет слово, Бетал тут же взлетает. И покойник подтвердил его догадку:

— Молчишь, Викрамчик? Правильно молчишь. Твои слова дают мне свободу, ты уже это понял. Ладно, молчи, а я пока поговорю. Расскажу тебе историю про одного брахмана из Джайсалмера. Он тоже стремился выполнять свои обещания любой ценой – и вот, послушай, что из этого вышло.

И Бетал рассказал свою первую историю.

Первый рассказ Бетала

Город Джайсалмер стоит посреди пустыни, на него с любой стороны можно напасть. Сейчас там мощная крепость, но она ведь не сразу строилась. Когда-то вокруг города были убогие глиняные стены, чисто символические, верблюдам на смех. Но никакие враги не могли к ним даже подступиться – потому что охранял их брахман Вирвар.

Охранял один и без оружия, только силой своего духа. Брал за свою работу дорого – аж пятьсот рупий в день! – однако за эти деньги он обещал джайсалмерскому радже защищать не только город, но и его лично, и не только от врагов, но и от демонов, болезней и любых несчастий. И двадцать четыре года всё у него получалось: и город был в порядке, и раджа был в полном порядке. Ничем не болел, ничего себе не ломал и чувствовал себя молодым и здоровым, несмотря на регулярный опиум

и восемь кальянов в день. «Пока я жив, — пообещал ему Вирвар, — с тобой не случится ничего дурного».

Каждое утро Вирвар обходил вокруг холма, на котором стоит город. Не просто так, а медленно и продуманно — с мантрами, поклонами и небольшими жертвоприношениями. Потом он навещал раджу, забирал свои пятьсот рупий, сотню разносил по храмам, ещё сотню по школам, ещё сотню по больницам, полторы сотни раздавал бедным и недужным, а остальное относил жене и сыну. Так проходил его день, а вечером он снова совершал обход городского холма — ежедневно, в любую погоду, без отпусков и выходных. Жители Джайсалмера почитали его за святого — наверно, не зря. Ежели такой человек не святой, то кто ж тогда святой?

Однажды во время вечернего обхода Вирвар увидел богиню Кали. Атакующей походкой двигалась она к городским воротам, и лицо её было чернее обычного, а в четырёх её руках вместо оружия блестили хирургические инструменты. С первого взгляда было ясно, что это не к добру — и Вирвар встал перед воротами, преграждая богине путь в город.

— Дай мне пройти, дваждырождённый! — потребовала Кали. — В этом городе живёт мерзавец, осквернивший мою святыню! Я вне себя от гнева и месть моя должна свершиться немедленно! Я вырежу его тупые мозги и скормлю их собакам!

— Виновный должен быть наказан, — ответил Вирвар — но наказание не должно быть тяжелее вины. Расскажи мне обстоятельства этого дела.

— Обстоятельства повергнут тебя в ужас, — сказала богиня. — Этот выродок плевал на моё мурти! На моё самое древнее мурти, старше которого нет во всей округе!

— Да, это тяжкий грех, — согласился брахман, — но только в том случае, если он был совершён умышленно. В противном случае виновный очищается чтением Вед, а осквернённое мурти — золой, водой и землёй. Тебе нет нужды его убивать: сегодня я совершу все необходимые очищения.

— Он не очистится даже жертвоприношением всех своих коней! — возразила Кали. — Моё мурти валяется у него в конюшне как простой камень — уже за одно это его надо бы четвертовать! Он давно поплёвывал на него, сам того не замечая — но сегодня ему указали на это и предупредили, чтобы он не гневил богиню. Однако подонки ничуть не раскаялись — он расхохотался! Он сказал: «Плевать мне на Кали! Мой брахман защитит меня хоть от самого Индры!» И харкнул уже намеренно, и пнул моё мурти ногой!

Вирвар сразу догадался, кто этот грешник.

— Плевок и пинок не караются смертью ни в одном из миров, — сказал он богине. — Прости моего государя. Я

вразумлю его, он исполнит суровое покаяние и впредь будет вести себя более осмотрительно.

— Это исключено, — заявила Кали. — Я ужасно зла, и я жажду крови. Впусти меня в город! Я не буду убивать твоего раджу — я лишь отрежу ему губы, ногу и язык. Это наказание законно, ты не имеешь права ему препятствовать!

— Я утолю твою жажду, — предложил Вирвар, — и я сам накажу виновного. Сегодня я приду в твой храм и принесу себя в жертву тебе. Пусть моя кровь смоег его грехи, и пусть моя смерть послужит ему наказанием.

Богиня застыла в изумлении:

— В своём ли ты уме, Вирвар? Ты, высокородный, безупречный и праведный, жертвуешь собой ради ничтожества из более низкого сословия, которое даже не смотрит, куда плюёт?

— Я жертвую собой ради себя, — объяснил брахман. — Я поклялся своей правдивостью, что с государем ничего не случится, пока я жив. Если я не смогу защитить его, я буду уже не безупречен. Но он обидел богиню и заслужил наказание. Если я не дам свершиться правосудию, я поступлю несправедливо. В обоих случаях мне незачем дальше жить — но, пока государь жив, я могу умереть достойно, не нарушив своего обета. Так возьми же мою жизнь — и прости его, если сможешь.

— Будь по-твоему, — согласилась Кали. — Я приму твою жертву и попытаюсь простить твоего раджу.

И растворилась в вечернем воздухе. А Вирвар поспешил домой и объявил сыну:

— Сегодня ты принесёшь меня в жертву Чёрной Матери, чтобы спасти нашего государя. Сразу после этого иди к нему в конюшню и соверши обряд очищения над чёрной каменной плитой, которая там лежит – это старинное изображение Кали, подвергшееся осквернению. В дальнейшем проследи, чтобы это мурти перенесли в храм и оказывали ему особое почтение.

И они отправились в храм Кали, и там молодой брахман отрубил голову своему отцу и водрузил её на алтарь. А в это время его мама тоже не сидела сложа руки: она привязала верёвку к потолочной балке и ней повесилась. Когда сын вернулся домой, она была уже совсем мёртвая. Так юноша в одночасье лишился обоих родителей, и горю его не было предела. Не дожидаясь утра, он примчался к радже, разбудил его и рассказал о случившемся.

От ужасных новостей у раджи разлилась чёрная желчь и помутился рассудок. Он выхватил кинжал, нанёс себе восемнадцать ран и лишил себя жизни – прямо на глазах у парнишки, который только что убил своего отца, чтобы эту самую жизнь сохранить! Бедняге и без того впечатлений хватало, а эта жуткая смерть его и вовсе подкосила. И молодой человек побежал в храм Кали и там перерезал себе горло.

Такая вот трагедия разыгралась в Джайсалмере – а всё из-за чего? Всё из-за того, что Вирвар слишком серьёзно отнёсся к своим обязанностям – примерно так же, как ты сейчас, Викрамчик. Решил, что он кому-то что-то должен, взвалил на себя непосильную ношу и волок её до потери головы. И вот тебе результат: себя угробил, жену угробил, сына угробил – а начальника своего всё равно не спас. А теперь скажи мне, Викрам: стоит ли быть таким дураком? И кому нужны такие бесполезные жертвы?

Так Бетал закончил свой первый рассказ. Но Викрам молчал – он твёрдо решил не поддаваться на провокации. И тогда Бетал добавил:

— Между прочим, отмолчаться сейчас не получится. Если тебе есть что сказать — скажи это вслух, или твоя голова разлетится вдребезги!

И Викрам ответил – не столько потому что испугался за голову, сколько потому что очень хотел возразить Беталу:

— Если богиня приняла жертву – значит, жертва была не напрасной. Вирвар умер безупречно: такая смерть уничтожает дурную карму семи предыдущих рождений. А можешь ли ты, мертвец, сказать о своей смерти то же самое?

Ты считаешь, что Вирвару следовало пожалеть свою жизнь и пренебречь своим долгом? Но ты висишь на дереве вниз головой, и у тебя нет ничего, кроме твоей верёвки. А он ставил долг выше жизни – и общался с богами на равных, получая при этом пятьсот рупий в

день. Ты намекаешь, что, следуя велению долга, он убил себя и свою семью? Никто не убивает, Бетал, и никто не умирает. Все трое ушли в следующую жизнь наилучшим образом: они получили возможность возродиться в одном поколении и встретиться снова. А где твои возможности, Бетал?

Ты утверждаешь, что Вирвар не спас своего государя? Но он уберег его от гнева богини, который простирается на семь жизней вперёд – а это ли не спасение? Раджа покинул этот мир прощённым, и смерть его была благой: он покончил с собой в порыве раскаяния. «Умереть» не всегда значит «погибнуть», Бетал, и «выжить» не всегда означает «спастись».

Ты называешь Вирвара глупцом? Но как назвать тебя самого, если ты не понимаешь столь очевидных истин?

Бетал расхохотался:

— Эко ты меня уязвил, Викрам Адитья! Я разгромлен, я раздавлен, я конкретно посрамлён! Но ты заговорил – и теперь я свободен!

И улетел на свой тамаринд, и ловко повесился вниз головой.

Викрам вернулся, снял его и понёс к Виджаю.

Бетал, как и следовало ожидать, опять заговорил:

— Викрамушка, твоя настойчивость достойна лучшего применения. Шёл бы ты лучше домой, тебе же завтра страной управлять! А то ведь и не выспишься,

и перетрудишься, и всё равно своего не добьёшься. И, главное: ради чего всё это? Тоже мне, подвиг – притащить одного мертвеца к другому полутруп! Или ты надеешься этим прославиться? или обогатиться? или, может быть, духовные заслуги приобрести?

Но Викрам не откликался – он окончательно пообещал себе, что будет молчать, несмотря ни на что. И тогда Бетал сказал:

— Молчи, молчи, упрямец из Уджайна! А я тем временем расскажу тебе про другого уджайнского упрямца. Он тоже долго бился и своего добился – но вот, послушай, что из этого вышло.

И Бетал рассказал свою вторую историю.

Второй рассказ Бетала

В городе Индоре много красивых садов и красивых девушек. Одна индорская девушка по имени Раджашри поехала как-то в Уджайн, чтобы купить себе красивых тряпок и побрякушек. А на уджайнском рынке работал парнишка по имени Динакар – такой красавчик, просто глаз не отве-сти! Раджашри его увидала и совсем разум потеряла: на товары смотрела вполглаза, торговалась вполсилы, накупила дряни втридорога – но ничуть не расстроилась. Приехала домой и маме рассказывает: Ах, мамочка! какого красивого мальчика я видела вчера в Уджайне! И целый вечер только и разговоров, что про этого мальчика.

Мама папе говорит: всё, созрела наша девочка. Надо бы её замуж, пока не загуляла. Папа с мамой согласился, позвали сваху, приготовили приданое. И вскоре выдали Раджашри за торговца пряностями. Был он уже

в возрасте и не то что бы красавец, но мужчина видный и солидный. Жёну свою молодую любил и баловал, была она за ним как за каменной стеной. Раджашри его не то что бы любила, но трёх сыновей ему родила; а, выполняя супружеский долг, закрывала глаза и представляла себе красавчика с уджайнского рынка. Оттого, должно быть, и сыновья у неё получились один другого краше.

И не ведала она, что Динакар из Уджайна влюбился в неё с первого взгляда, раз и навсегда! Был он купеческий сын из хорошего рода, и перспективы у него были самые блестящие, но после Раджашри ему это стало безразлично. Единственное желание у него осталось – увидеть её хотя бы ещё раз.

При этом он про Раджашри вообще ничего не знал – ни где она живёт, ни как её зовут, ни как её фамилия. Он только знал, что она самая красивая девушка на свете, и что одета она была по-городскому, а не по-деревенскому. Поэтому для начала он попробовал поискать её в городе Уджайне. Целый год прочёсывал квартал за кварталом, пока не убедился, что девушка его мечты в Уджайне не живёт.

Родители его блажь заметили и сильно всполошились. Попытались Динакара женить, но он ни в какую. Попытались на него нажать – так он в соседний город сбежал. И его прочесал квартал за кварталом, и переехал в другой город, а оттуда в третий, четвёртый, пятый – и так он странствовал целых двенадцать лет. Перебивался

случайными заработками, попрошайничал, играл, иногда воровал – но не опустил и не испохабился от такой безобразной жизни. Всегда Динакар за собой следил и всегда с иголки одевался, на случай встречи с девушкой своей мечты. А в том, что эта встреча состоится, он не сомневался.

И вот, наконец, добрался Динакар до Индора. Для начала просто так по улицам прошёлся, с новым городом познакомиться – и заметил мальчонку, удивительно похожего на него самого! «А ведь это знак! — подумал Динакар. — Прослежу-ка я за ним, куда он пойдёт».

И вывел его мальчик к дому торговца пряностями, и увидел он там на балконе свою возлюбленную, ещё более прекрасную, чем двенадцать лет назад. А она увидела того самого красавца из Уджайна – и снова не смогла отвести от него глаз. И так любовались бы они друг на друга целую вечность, если бы не тот самый мальчик. Выбежал он на балкон, ухватил Раджашри за подол – что-то ему от мамы понадобилось. И утащил её в дом; а Динакар соседей обошёл и всё про Раджашри разузнал. Не обрадовался, но и не опечалился – что-то в этом роде он давно предполагал. Решил он поселиться в Индоре и сделать всё, чтобы Раджашри и её семья были счастливы.

А Раджашри весь вечер прорыдала над своей загубленной жизнью, а ночью пошла на задний двор, для себя костёр складывать. Служанка её манёвры заметила и от самосожжения отговорила. Сказала: «Лучше разик

налево сходить, чем детей сиротами оставлять!» – И пообещала устроить ей тайную встречу с похитителем её сердца. У Раджашри мгновенно слёзы высохли, и с тех пор она только предстоящим свиданием и жила. А Динакар каждый день мимо её дома ходил и всякий раз напротив её балкона притормаживал. Но надолго не задерживался, чтобы повода для сплетен не давать.

Так они улыбались друг другу через улицу – недели две или даже больше. А потом торговец пряностями уехал за своими пряностями, и служанка отвела Раджашри в городской сад, где её уже ждал Динакар. Случилось это перед рассветом, в саду ещё никого не было, сторожа ещё крепко спали, и влюблённые могли позволить себе всё что угодно. Но они даже двумя словами не перемолвились: только-только обнялись – и всё! У красавицы от счастья сердце остановилось, а потом и у красавца от горя сердце разорвалось! Упали они на клумбу и лежали там среди цветов и трав, так и не выпустив друг друга из объятий.

В такой неприличной позе их и увидели поутру сторожа, а затем и многие другие горожане. Собралась вокруг мертвецов толпа немалая, ведь не часто на такую красоту полюбоваться можно. А торговец пряностями почуял недоброе и с дороги вернулся – благо, уехать он далеко не успел. Въезжает в город – и тут ему докладывают, что его жена в городском саду мёртвая лежит. Он туда поспешил, толпу растолкал, трупы увидал – и тут же рядом с ними замертво свалился. Не выдержало его сердце стыда и позора.

Вот такая драма произошла в Индоре – а всё из-за чего? А всё из-за того, что Динакар оказался чересчур настырным – примерно как ты сейчас, Викрамушка. Будь он хоть чуть-чуть благоразумнее, он прекратил бы свои поиски через две-три недели. И его возлюбленная дожидая бы свой век в покое и достатке. Но он заиклился на своей безумной идее, и вот тебе результат: погубил свою жизнь, погубил жизнь и честь любимой женщины, фактически убил её мужа и оставил сиротами её детей. Ну, и кто он после этого? По-моему, идиот, маньяк и эгоист – а по-твоему?

Так Бетал закончил свой второй рассказ. Но Викрам упорно шёл вперёд и на вопросы мертвеца никак не реагировал. И тогда Бетал прошептал ему на ухо:

— Викрамыч, минута молчания кончилась! Если ты со мной не согласен – скажи об этом вслух, или твоё сердце остановится!

Викрам продолжал молчать, и тут почувствовал, что его сердце и в самом деле остановилось! В глазах у него потемнело, в мозгах помутилось – но он удержался на ногах и заговорил:

— История, которую ты мне поведал, очень хорошо известна у нас в Уджайне. Я слышал её от Шри Динакара – того самого, о котором ты так нелестно отозвался. В ранней юности, заглядевшись на красавицу Раджашри, он внезапно увидел сквозь её черты жуткий и манящий облик Матери Мира, богини Чандики. Богиня позвала его за собой - но он оробел и побоялся подойти. Именно

за свою нерешительность он и расплатился впоследствии двенадцатью годами скитаний; именно богиню, а не красавицу с рынка, искал он во всех городах. Но Чандика явилась ему только в Индоре – и на то была своя причина.

В Индоре тогда жил Шри Манидутт, преданный Матери Мира, мудрец и чудотворец. Раджашри была его дочерью. В детстве она получила от отца тайное посвящение и приняла в себя богиню Чандику. Индорские шакты поклонялись ей как живой богине – до тех пор, пока она не увидала Динакара. После встречи с красавцем её помыслы загрязнились похотью, и Чандика покинула её тело. Динакар нашёл Раджашри, но не нашёл богиню – однако он не терял надежды до тех пор, пока красавица не умерла в его объятиях. Сердце его разорвалось, когда он осознал, что утратил единственную нить, ведущую к Матери Мира – и он действительно умер тогда. Но жизнь его на этом не закончилась.

Дело в том, что Шри Манидутт не смирился со смертью своей любимой дочери. Пока тела готовили к кремации, он взывал к Чандике, моля её о несбыточном и невозможном. И богиня услышала его, и воскресила всех троих умерших! Торговец пряностями великодушно простил свою жену, и она родила ему ещё двоих детей; а Динакар стал преданным Чандики и преемником Шри Манидутта. В Уджайне он известен как мудрый духовный учитель, а его история служит примером того, как важно проявлять настойчивость в стремлении к высшим целям. Ты же, Бетал, знаешь её лишь отчасти – а уже берёшься

судить об этом святом человеке. Не удивительно, что твои выводы так далеки от истины.

Бетал присвистнул:

— Надо же, как далеко пошёл бродяга, какие песни теперь поёт! Впрочем, после смерти люди сильно меняются – это я, как покойник, тебе подтвердить могу. Но хватит нам беседовать, Викрам Адитья! Ты заговорил – значит, я свободен!

И улетел на свой тамаринд, и ловко повесился вниз головой.

Викрам вернулся, снял его с ветки, посадил на закорки и понёс к Виджаю. А чтоб мертвец опять не смылся, Викрам тщательно прибинтовал его к спине своим царским тюрбаном - в размотанном виде это реально длинное такое полотно, метров шесть или даже восемь.

По дороге Бетал опять к Викраму обратился:

— Однако спеленал ты меня на совесть – я и вздохнуть теперь не могу! Пожалуй, так и донесёшь меня до Виджая, о хитроумный Викрам Адитья! И где ты только этому научился, царь царей индийских? Неужто нынешних царей такому учат?

И сделал длинную паузу, но Викрам не удостоил его ответом. Тогда Бетал вздохнул и промолвил:

— Скучный ты человек, Викрам. Ты победил, ты своего добился – так радуйся же наконец, расслабься! А ты

набычился, напрягся и молчишь как монумент... Спел бы песенку, что ли, анекдотец бы рассказал – а? Или давай я тебе чего-нибудь расскажу... Вот! А расскажу-ка я тебе хорошую добрую сказку, в которой никто не умер. Ну, или почти никто – но сказка всё равно хорошая.

И Бетал рассказал свою третью историю.

В городе Кхаджурахо восемьдесят храмов, и все про любовь. В одном из них есть «каменная пчела», которая выдаёт девушек замуж. По сути, это обычный плоский камень с почти истёршимся каким-то доисторическим рисунком. На пчелу он даже отдалённо не похож, найти его нелегко, а использовать ещё труднее. Чтобы этот предмет сработал, надо, во-первых, взять кокосовый орех и нарисовать на нём глаза. Во-вторых, надо показать ореху девушку и объяснить, какой жених ей нужен. В-третьих, надо прийти к чудотворному камню, зажечь вокруг него пять благовоний, облить его настоем пяти цветов, поставить на него орех с нарисованными глазами и сто восемь раз прочесть над ним Кама-Гаятри. После этого орех становится заряженным и отправляется искать жениха. И, как правило, находит именно такого, какого ему заказали.

Одна женщина из Кхаджурахо хотела выдать свою дочь за богача. Она сходилa к каменной пчеле, совершила весь ритуал и подбросила кокос в телегу, которая ехала на богатый север. Следом за ней в храм явился её муж, и тоже с разрисованным кокосом. Он попросил для своей девочки умного жениха и отнёс кокос в Джагдамба-мандир, куда часто заходят очень умные люди. А вслед за ними к пчеле пожаловала и сама девица - и заказала себе Героя, вроде Арджуны или Бхимы. И кинула свой орех в реку, чтобы вода унесла его к Герою.

И все три ореха сработали! Девушкин орех уплыл в дальний лес. Его выловил молодой геройский раджпут, который охотился там на оленей. Он взглянул ореху в глаза – а оттуда вылетела невидимая пчёлка и ужалила его в самое сердце! И орех сказал ему: отправляйся в Кхаджурахо, там живёт твоя судьба! Раджпут простился с товарищами и поскакал жениться.

Мамин орех доехал до Гвалиора и попался на глаза начальнику рыночной стражи. Этот юноша был сказочно богат и ещё не женат – какое счастливое совпадение! Орех взглянул ему в глаза, пчела ужалила его в сердце – и он сел на свою птицу из летучего дерева и полетел жениться.

А папин орех достался очень умному юноше из Кхаджурахо, который с детства шёл по духовному пути и уже приобрёл такие знания и способности, какие не у

всякого мудреца и в старости бывают. О женитьбе он даже не помышлял, больше думал о слиянии с Богиней – но волшебная пчёлка в одно мгновение переменяла его судьбу. И юноша испросил благословения у Богини – и пошёл жениться.

Вот так и получилось, что в ближайший день и час, благоприятный для сватовства, к девушкиным родителям явились сразу трое красивых молодых парней: герой, богач и без пяти минут мудрец. И у каждого из них был кокос с нарисованными глазами, и каждый утверждал, что без этой девушки ему теперь никак нельзя.

Ситуация вышла сложная: дашь согласие одному – обидишь двоих, а обижать никого не хочется. Родители чутко подумали и от выбора самоустранились. Позвали девушку и говорят: решай сама. А она тоже не смогла с первого взгляда разобрать, кто из юношей Герой, а кто просто хороший парень. И попросила женихов показать, что они умеют.

Тут раджпут показал, как он умеет с коня на дерево запрыгивать, двумя мечами вертеть и на полном скаку двенадцать стрел точно в цель посылать. И подмигнул восхищённой девице, и воскликнул: «Это пустяки! Выходи за меня замуж – узнаешь, что я ещё умею!»

Аскет на это только усмехнулся и глаза закрыл – и тут же лук и все двенадцать стрел покрылись цветами,

а мечи заплясали в воздухе сами по себе! И пока девица на них глазела, он сделался невидимым, подобрался к ней поближе и шепнул на ушко: «Погоди удивляться, красавица! Это лишь сотая доля того, что я могу».

А богатый жених выступил незатейливо, но эффективно: просто полетал над двором на своей деревянной птице и аккуратно посадил её на крышу девицыного дома. И пообещал во всеуслышание: «Эта птица из летучего дерева будет твоей. И это лишь сотая доля того, чем ты будешь владеть».

После такого заявления девушка и вовсе потерялась. Все трое парней ей не просто понравились – они её удивили, восхитили и соблазнили. Со всеми тремя она уже мысленно пообниматься успела, а теперь вот надо выбрать кого-то одного, а от остальных навсегда отказаться – ну нет! это невозможно! И попросила девица, чтобы женихи её не торопили, а дали ей ночь на размышления. К утру, мол, она всё окончательно решит и своего избранника укажет.

И всю ночь она больше мечтала, чем думала, и ненадолго заснула. И приснилось ей, что она Драупади, и у неё целых пятеро мужей! И что их всех нету дома, а тут вламываются Кауравы и кричат: твой старший муж проиграл тебя в кости! И хватают её за волосы, и разматывают сари. А она отбивается, кричит: «Как он мог меня проиграть, если он уже себя проиграл?!!!!!!» –

и как раз на этом страшном месте девица раскрыла глаза и увидела над головою землю, под ногами небо, а вокруг себя – грандиозный мужской кулак, раз в десять побольше обычного. И это был уже не сон. Это её похитил Парватопама. Здоровенный такой ракшас, огромный как гора и страшный как смерть. Ему сегодня исполнилась тысяча лет, и в честь юбилея мама разрешила ему взять сотую жену.

Принёс он девицу в город ракшасов и передал своим жёнам. Все они жили в огромном дворце и все были жизнью довольны. Они сказали: Парватопама не всегда такой большой. Он может быть любого размера и любой формы. И он не всегда такой страшный, это он только поначалу старается впечатление произвести. А на самом деле он добрый, и подарки дарит, и детей любит, - так утверждали жёны Парватопама. Но смотрели они при этом в сторону и девицу ничуть не убедили. Она всё плакала и рыдала, а как увидала свою будущую свекровь, так вообще умереть захотела. Но никто на её слёзы внимания не обращал. В храм её сводили, благовоениями обкурили, а потом обратно в женский дворец. А там уже свадебный шатёр стоит – в общем, девица поняла, что деваться некуда. Придётся ей теперь с чудовищем жить и ракшасиков рожать... И впала она от горя в глухое отупение, и про женихов своих распрекрасных уж даже и не вспоминала. А зря.

Женихи-то её в беде не оставили! Умный быстро догадался, куда она улетела; а смелый сразу загорелся ракшаса

убить; а у богатого была птица из летучего дерева. И примчались они в город ракшасов ещё до захода солнца, и приземлились незаметно прямо на крышу дворца Парватопамы. Умный жених сделался невидимым, проскользнул во дворец, добрался до девицы и шепнул ей на ушко: «Радость моя, пойдём на крышу! Там тебя ждёт деревянная птица. Она отвезёт тебя домой».

Девушка как об этом услышала, мгновенно повеселела. И помчалась на крышу вслед за умным женихом – но старшие жёны её сторожили и просто так непустили. Закричали: «Куда побежала?! Хозяин уже на подходе! Вот тебе гирлянда, сейчас в шатёр пойдёшь!»

И тут девушка оторвалась от пола и на лестницу взлетела – а под ноги ракшасовым жёнам покатилося что-то тяжёлое, по-собачьи лающее, по-волчьи воющее, по-свиному ухажющее! Женщины перепугались, из дома побежали – а умному жениху только этого и надо было! Мигом двери на засов – и бегом на крышу!

А Парватопاما тем временем как раз ко дворцу подъезжал. На слоне сидел верхом как на коне, пятки ниже брюха свисали. А за ним двигалось примерно полсотни таких же здоровенных чертей – кто пешком, кто верхом, а кто по воздуху летел. Но едва лишь они приблизились на расстояние выстрела, на крыше дворца показался человек с натянутым луком. И крикнул он ракшасу: «Эй, пожиратель сырого мяса! Получи-ка от меня подарок!» – И пустил ему стрелу прямо в глаз.

Разумеется, это был геройский раджпут! Стрельнул он мощно, но ракшаса не убил и даже не ранил. Парватопампа моментально вырос до небес, и кожа его стала как броня, а руки как пальмы. Ухватил он смельчака, шутя обезоружил и кинул себе в пасть. А потом и богатого жениха сцапал – но до рта не донёс. Заметил ракшас, что на крышу девица выбежала – та самая, без пяти минут его жена! Заревел он как стадо буйволов, протянул к девице свою ручищу – и вдруг закашлялся! задёргался! покачнулся, на землю упал! слона своего раздавил, процессию свою разогнал! и умер в корчах и судорогах, перекрыв своей гигантской тушей улицу, ведущую ко дворцу.

И тут же ему на грудь опустилась необыкновенная птица и запела гимны Нарасимхе, Раме и Хануману. И девица выскользнула из кулака мёртвого ракшаса и перелетела на птичью спину. А из другого кулака выбрался богач, а из пасти вылез раджпут. И все они оседлали птицу и улетели за облака.

Ракшасы за птицей не гнались, даже и не пытались. Ракшасы были перепуганы до потери пульса – на минуточку им привиделись Рама, Нарасимха и Хануман! А когда минуточка прошла, Парватопампа воскрес, прокашлялся и сел. И рассказал ракшасам, как это неприятно, когда человечек влезает тебе в дыхательное горло. Тут-то они и сообразили, что к ним прилетали не боги, а люди. Но от погони отказались и Парватопаме отсоветовали. Напомнили ему, как человечки с обезьянками

Ланку разгромили. Парватопама поостыл немножко, и в ту же ночь украл себе невесту из Индора. И на следующий день спокойно на ней женился.

А у людей с женитьбой возникли проблемы. Невеста, поглядевши на их подвиги, окончательно влюбилась во всех троих. И окончательно запуталась, кого из них выбрать. И спросила: «По справедливости, я должна выйти замуж за того, кто меня спас, да?» И на умного жениха посмотрела.

Но умный был ещё и скромный. Умный сказал: «Свет моих очей! Я в этом деле только помощником был. А спас тебя тот смельчак, который ракшаса убил. Если бы не он, ты бы вряд ли в живых осталась».

Смелый с ним не согласился. Смелый сказал: «Одного ракшаса убить не трудно. Но там ведь их были многие тысячи, и летать из них умеет каждый третий! Если бы не твои гимны, мы бы оттуда не спаслись. Не только наша красавица – мы все тебе жизнью обязаны! Так что не скромничай, друг: ты и есть самый достойный жених!»

А богатый их речам удивился. Богатый сказал: «Господа! Давайте-ка не будем забывать о том, чья это птица, на которой мы летим. Без неё мы не то что бы не спаслись – мы и до дворца не добрались бы. А я, между прочим, эту птицу для своей будущей жены купил...»

И замолчал многозначительно; а остальные женихи слишком однозначно на него посмотрели. Девушка это

заметила и воскликнула: «Ура, я придумала! Давайте полетим в Уджайн к царю царей Викраму Адитье! Пускай он нас рассудит!»

И вот, Викрамушка, прилетят они завтра к тебе – и как ты их рассудишь? Что молчишь? И завтра так же молчать будешь? Ну, нет! это не годится! Если ты знаешь ответ и молчишь – говори немедленно, или ты задохнёшься!

Так Бетал закончил свой третий рассказ. Викрам потуже затянул полотнище, которым покойник был примотан к его спине. И ответил ему:

— Богатый не побоялся полететь к ракшасам, умный не побоялся проникнуть во дворец ракшаса - смелый же не побоялся стрелять в ракшаса. Отвагою он превзошёл всех женихов – но он превзошёл и самого себя, когда не утратил присутствия духа в пасти чудовища и, будучи пожранным, перекрыл дыхание пожирателю. Про умного и богатого скажут: вот люди, побывавшие в городе ракшасов; про смелого же скажут: вот герой, победивший Парватопаму! И я рассужу так: девица должна выйти замуж за героя.

Бетал хмыкнул:

— Надо же, как у тебя всё просто! Герой убил злодея, герой заслужил награду, вот и весь суд. Нет уж, давай судить без пафоса. Давай присмотримся к ситуации более тщательно. Что случилось бы, если бы герой не стрелял? А ничего страшного, и даже наоборот. Вся

компания убралась бы из города потихоньку, и ракшасы даже не догадались бы, что произошло. Но в этом случае героем стал бы умный жених, а раджпут остался бы вовсе не у дел. Ясно, что такого он допустить не мог.

Вот он и выстрелил. Убил он ракшаса? Не убил, только раздраконил. Всю операцию чуть не сорвал, сам едва не погиб, невеста чудом жива осталась – и всё ради чего? Только ради того, чтобы погеройствовать да прославиться.

Вот и подумай теперь, Викрам: нужен ли девице такой муж, который ради славы ни её, ни себя не пожалеет? И нужен ли ей такой умник, который от неё из чистой вежливости отказаться готов? Нет уж, самый достойный жених для неё – это богатый. Он ради неё не побоялся храбрецу возражать и с умником спорить – а это тебе не в ракшаса стрелять, тут реально нечеловеческая смелость нужна. Особенно когда летишь с ними вместе на птице из летучего дерева, с которой можно запросто упасть, и потом костей не соберёшь.

Викрам улыбнулся:

— Считаешь себя умным, Бетал? Считаешь, что я глупее тебя? Ну, так присмотришься к ситуации более тщательно. Я спеленал тебя как младенца и несу к своему учителю – а ты и пошевелиться не можешь, только брюзжишь у меня за спиной. Кто же из нас двоих умнее, а кто глупее? И кому интересно теперь твоё мнение?

Бетал хихикнул.

— Ты думаешь, что ты меня спеленал? Ну да, ты меня спеленал – но это ещё ничего не значит. Правила остаются прежними: ты заговорил – значит, я полетел! До новых встреч, Викрам Адитья!

И выпорхнул из обмоток, как бабочка из кокона, и улетел на свой тамаринд, и ловко повесился вниз головой.

Викрам проводил его взглядом, присел на камень и задумался. Трудную задачу ему задал Бетал! Ответишь на вопрос – упустишь мертвеца, не ответишь на вопрос – станешь мертвецом; а привяжешь мертвеца – ну, никак его не привяжешь. Остаётся только одно: заткнуть уши и не слушать мертвеца! Пускай себе болтает всё что хочет, и пусть он сам себе вопросы задаёт!

И Викрам скатал два шарика из листьев и заткнул себе уши. А потом намотал свой тюрбан вокруг лица как согревающий компресс. И перестал слышать даже сам себя - и пошёл снимать Бетала.

Покойник, едва его разглядел, затрясся как припадочный. То ли от ужаса, то ли от смеха. Пока Викрам его отвязывал, он всё губами шевелил – то ли насмеялся, то ли пощады просил. Викраму было уже всё равно, что он там лепечет. Викрам взвалил покойника на плечи и понёс его к Виджаю, наслаждаясь долгожданной тишиной.

И вдруг в тишину просочился негромкий, но внятный голос Бетала:

— АУ! Ау, Викрам! Теперь ты меня слышишь? Ага, плечо дёрнулось – значит, слышишь. А я тут тебе описывал, какой ты смешной в этом чепчике. А ты ничего не слышал – наверно из-за него. Ладно, буду говорить погромче. Расскажу тебе о том, как один сильно продвинутый гуру обманул удайпурского махарану. Слушай внимательно: история будет с намёком!

И Бетал рассказал свою четвертую историю.

Четвертый рассказ Бетала

Удайпур, Викрамушка, не только в твоём царстве имеется. В стране киратов целых два Удайпура, а то и три или даже четыре, никто их не сосчитает. Непростая это страна: горы да ущелья, хребты да долины, и в каждой долине свой язык и своё государство, а где и по два, и по три. И раджей-махараджей там видимо-невидимо, и все такие важные! и все с такими амбициями! И все свою родословную от Лунной династии ведут, и никак иначе.

Однажды забрёл в страну киратов молодой художник из Бихара. Направлялся он в долину Катманду – кто-то ему напел, что по его специальности там очень много работы. Удайпурское княжество он проскочил бы и не заметил – но, на свою беду, пришёл он туда поздно вечером в новолуние. Ну, и заночевал в какой-то рощице на окраине какого-то села. И невдомёк ему было, что не село

это, а стольный град удайпурского махараны! А рощица, в которой он заночевал, тоже была не простая, а очень опасная: мужчинам туда запрещалось входить, прямо под угрозой смертной казни! Это был секретный девичий сад, в котором жили местные принцессы.

Поутру вышла младшая принцесса в сад и увидела там НЕЗНАКОМОГО МУЖЧИНУ! Хотела испугаться, да не успела: разглядела, что не мужчина это, а юноша, и очень даже симпатичный юноша... и не просто симпатичный, а даже очень красивый... И залюбовалась на спящего, и не удержалась – наклонилась и чмокнула его в щёчку!

Тут художник глаза открыл – и глазам своим не поверил! «Кто ты, красавица? – спрашивает, – Фея ли ты небесная, или нимфа, или богиня?» – А она ему отвечает: «Незачем тебе об этом знать. Собирайся-ка лучше побыстрее да беги из этого сада через вон ту калитку, покуда стража тебя не заметила! Иначе запросто с жизнью простишься!»

Художник девицу послушал и сад покинул. И пошёл своей дорогой в Катманду – а не идётся ему уже, никак красавицу забыть не может. В полдень присел под деревом, лепёшку достал – а есть не хочется! И жить не хочется, и рисовать не хочется, а хочется только в Удайпур вернуться – но зачем туда возвращаться? Ясно ведь, что девица не из простых, художнику до неё как до Луны пешком.

И тут выходит к нему из лесу старец пепельно-серый с полосатым лбом и железным трезубцем. И вопрошает грозно: «Чего ты тут расхныкался?»

Парень вскочил, ладони сложил, выше лба поднял:
— Бом Шанкар, бабаджи! Угораздило меня вот влюбиться, от несчастной любви я страдаю.

И рассказал про волшебный сад и неземную красавицу. Старца эта история немало позабавила.

— Так, значит, ты влюбился в удайпурскую принцессу! – воскликнул он. – И теперь, наверно, хочешь на ней жениться, да?

Художник вздохнул:
— Теперь, наверно, я хочу умереть. Если она ПРИНЦЕССА, то мне и вовсе надеяться не на что.

Старик улыбнулся:
— Погоди умирать. Пожалуй, помогу я тебе на ней жениться. Но для этого ты должен отдать мне свою силу и своё тело, навек забыть своё прежнее имя - и на всё, что я с тобою сделаю, отвечать только: «Благодарю тебя, Шри Махадев!», и никак иначе. Согласен ли ты на такие условия?

Художник просиял: — Благодарю тебя, Шри Махадев! Вот тебе моя сила, вот тебе моё тело, и дай мне новое имя, чтобы я поскорее забыл старое.

— Твоё новое имя – Савитри, — сказал Махадев. — А теперь пойдём ко мне, будешь к нему привыкать.

Юношу новое имя сильно озадачило. Но он вопросов задавать не стал, а ответил как условились: «Благодарю тебя, Шри Махадев!» И старик отвёл его в свою лесную хижину, а там заставил неотрывно смотреть на блестящий шарик, подвешенный на нитке, и повторять за ним какую-то сложную мантру. Вскоре шар сделался огромным как небо и поглотил художника целиком. Внутри шара он превратился в пятилетнюю девочку и прожил восемь лет в богатой брахманской семье, с младых ногтей обучаясь всему, что должна уметь дочь дваждырождённого. Когда же девочка вынырнула из шара и обнаружила себя в мужском теле, Махадев велел ей переодеться в женское платье и продемонстрировать свои умения. И остался недоволен, и ещё два раза загонял её в шар, и наконец добился от её манер невысказанного совершенства. Тогда он вддел Савитри в нос волшебную серёжку – и тело юноши превратилось в тело тринадцатилетней девушки. И девушка сказала: «Благодарю тебя, Шри Махадев!»

А Махадев за это время тоже успел измениться к лучшему. От пепла отмылся, волосы башенкой уложил, завернулся в белое и чистое – и стал благообразен и внушительен, как древний мудрец на картинке! И сказал он Савитри: «Пойдём, дочь моя! навестим удайпурского махарану!»

И вошли они под вечер в центральную усадьбу удайпурского княжества. И произвели там немалый переполох: никогда ещё в этой глуши таких важных персон не видели! Махарана лично им навстречу вышел, поклонился и во дворец пригласил – а дворец у него был ничего себе, хоть и одноэтажный, зато с окнами. Для Шри Махадева там комната нашлась, а Савитри отвели ночевать в девичий сад. А там три принцессы – Падмавати, Мандаравати и младшая Амбавати – все в одной комнате спят. Приняли они Савитри как родную сестру, и пошли у них всякие разговоры, до утра никто глаз сомкнуть не мог. И песни они пели, и в игры играли, и сказки сказывали, и судачили о грядущей семейной жизни – в основном, о свадьбе, конечно, да о женихах. Только младшая принцесса об этом говорить не захотела, а поднялась и вышла в сад, и подозрительно надолго там застряла. Старшие советовали внимания не обращать, но Савитри всё-таки в сад сходила и принцессу разыскала. Сидела Амба под деревом на камушке и о чём-то горько плакала. Савитри рядом присела и помаленьку у неё всё выпросила.

Призналась младшая принцесса, что сегодня утром видела она в саду нереального красавца и влюбилась в него без памяти. Имя, правда, спросить не догадалась – но она же видела, какими глазами он на неё смотрел! И она уверена, что он непременно вернётся и к ней посватается – но она боится, что папа с порога ему откажет. Потому что удайпурские кшатрии вот уже сколько-то

там веков поддерживают брачный союз с кшатриями из другого Удайпура, который на западе. И если жених не из тамошнего клана, то шансов у него почти нет.

Тут Савитри вынула из ноздри серёжку и превратилась на мгновение в того самого нереального красавца. И сразу вставила её обратно, и сказала обомлевшей Амбавати:

— Шансы у нас есть, и немалые. Сам Шри Махадев обещал нас поженить. Возможно, он сейчас как раз об этом с твоим отцом разговаривает.

И Амбавати обняла Савитри крепко-крепко, и горячо расцеловала – и тут уже Савитри от счастья чуть сознания не лишилась!

А Махадев тем временем махарану обрабатывал. Легенда у него была такая: идёт он, дескать, на святую реку Багмати, чтобы высыпать туда прах своей безвременно почившей жены. Махарана сразу его отговаривать начал: дорога, мол, туда беспокойная, разбойников нынче много, а ты ещё и вместе с дочерью. Тут Махадев объяснил, что дочке туда идти не обязательно, а просто её оставить не на кого. И тогда махарана сказал ему: «Свамиджи, не подвергай дочку опасности! Оставь её у нас в Удайпуре, а на обратном пути её заберёшь! У нас тут все условия для содержания дочерей, даже специальный девичий сад имеется!»

Махадев как бы подумал – и согласился. Наутро позвал он к себе Савитри и объявил: «Сегодня я уйду, а ты останешься. Времени зря не теряй, знакомься со своей невестой, а в ближайшее новолуние приходи в мой лесной дом. Там я дам тебе новое имя и расскажу, что делать дальше».

И ушёл. А Савитри поселилась в девичьем саду, и все принцессы были ей очень рады. Амбавати от неё ни на шаг не отходила, и каждую ночь сидели они в саду под тем самым деревом и сладострастно мучили друг друга. Савитри не раз порывалась серёжку из носа вынуть и приласкать свою невесту по-настоящему! Но Амба всякий раз говорила: «Только после свадьбы!» – И вставляла серёжку обратно.

Так три недели незаметно пролетели, и настало новолуние. Явилась Савитри в хижину отшельника – и Шри Махадев дал ей новое имя – Савитар. И забрал у неё волшебную серёжку, и снова достал свой блестящий шарик, и велел Савитару смотреть, не отрываясь, и повторять за ним другую длинную мантру. А внутри шара опять была брахманская семья, но на этот раз юноша вошёл в неё пятилетним мальчиком и прожил там целых двенадцать лет, изучая санскрит, Веды, ритуалы и прочие премудрости. Нелегко ему эта наука далась – десять раз в шарик нырять пришлось и десять раз Махадеву экзамен сдавать. Но на десятый раз учитель доволен остался. Сказал Савитару:

«Хватит учиться, пора жениться!» – И Савитар ему ответил: «Благодарю тебя, Шри Махадев!»

Наведались они к махаране, и Махадев представил ему молодого как бы брахмана. «Этот юноша повстречался мне в Пашупатинатхе. Его зовут Савитар – это знак, ниспосланный свыше. Я обещал женить его на Савитри, и вот мы пришли за ней. Вели позвать мою дочь, я объявлю ей свою волю», – сказал Махадев.

Махарана ему ответил честно и прямо: «Не уберегли мы твою дочь, святой отец. Пропала она без вести в ночь новолуния, и с тех пор её никто здесь не видел».

Тут Махадев за сердце схватился и набок завалился. Махарана перепугался – но Савитар не растерялся. Быстро влил старику меж зубов какое-то снадобье и долго шептал ему что-то на ухо. Наконец Махадев в себя пришёл, с циновки встал и сказал махаране сурово и холодно:

— По справедливости мне стоило бы проклясть и тебя, и твоё семейство – но Савитар уговорил меня не делать этого. Воистину, его великодушие не знает границ: он просил за тебя, хотя ты и перед ним виноват, это по твоему недосмотру он лишился невесты. Что ты готов сделать, чтобы загладить свою вину?

— Я готов отдать ему в жёны свою дочь, – ответил махарана. — Но захочет ли юный пандит жениться на дочери кшатрия?

Савитар как бы поразмыслил – и великодушно согласился. Махарана обрадовался, велел своим домашним и придворным к свадьбе готовиться. Пока приготовления шли, Савитар у него во дворце жил. За две недели махарана так к нему привык, что и после свадьбы никуда отпускать не захотел. Так и заявил: оставайся, мол, в Удайпуре, будешь мне наследником. Своих-то сыновей у махараны не было.

А Махадев удалился в лес. Савитару на прощанье сказал: «Приходи ко мне в первое полнолуние после свадьбы, совершим с тобой последний ритуал». – И Савитар ответил: «Благодарю тебя, Шри Махадев! Приду непременно».

И не пришёл даже, а верхом прискакал, и богатые подарки с собой привёз. Шри Махадев его встретил в своём изначальном облике: полуголый, пепельно-серый, с полосатым лбом и безумными глазами. Разжёг он большой костёр, произнёс над ним шёпотом три короткие мантры и высыпал в огонь все подарки. А потом сказал Савитару: «Давай-ка поклонимся святому огню и господу Шиве!»

И простёрся перед огнём, и Савитар вслед за ним тоже самое сделал. Тут у него голова закружилась и сознание помутилось – всего лишь на мгновение, не больше. Но когда Савитар в себя пришёл и на ноги поднялся, он увидел рядом с собой - себя самого! И посмотрел

он на свои руки – а они оказались серыми от пепла; и посмотрел на свои ноги – а они оказались босыми и тоже серыми; и содрогнулся он от ужасной догадки, и крикнул юноше, так похожему на него самого:

— Шри Махадев, что ты со мною сделал? Как я теперь покажусь своей жене?

И Махадев ответил Савитару из его прежнего тела:

— Я обещал женить тебя на дочери махараны – и я исполнил своё обещание. Ты обещал отдать мне своё тело – теперь и ты исполнил своё обещание. Мы с тобой в расчёте, не так ли? Поблагодари же меня – ведь ты обещал благодарить меня за всё, что я с тобой сделаю!

— Не будет тебе благодарности, гнусный обманщик! — закричал Савитар. — Верни мне сейчас же моё тело – не то я убью тебя!

И схватил трезубец, и замахнулся – но Махадев уже оседлал его коня и шустро ускакал в город. А юноша, превратившийся в старика, принялся размышлять, что же ему дальше делать. Сперва он думал пойти во дворец и прилюдно разоблачить колдуна; затем он решил, что надо день и ночь молиться Шиве, чтобы Разрушитель Иллюзий уничтожил злые чары и восстановил справедливость; а потом плюнул на всё, взял трезубец и проткнул себе печень. И старческое тело, которое он уже успел возненавидеть, истекло кровью и лишилось жизни, и вскоре было пожрано лесными зверями.

Вот так, Викрамушка, святой человек обманул удайпурского махарану и погубил доверчивого юношу. Но этот Махадев – я тебя уверяю! – сущий ребёнок по сравнению с тем прохвостом, к которому ты меня несёшь. Скажи мне, Викрам: есть ли у тебя серьёзные причины ДОВЕРЯТЬ Виджаю? Или же ты, как тот художник, купился на полосатый лоб и туманные речи? Не молчи, Викрам Адитья! Если тебе есть что сказать – скажи это вслух, или твоя печень истечёт кровью!

Так Бетал закончил свой четвёртый рассказ. И Викрам ответил ему:

— У меня нет никаких причин НЕ ДОВЕРЯТЬ Шри Виджаю – вот почему я ему доверяю. Но у меня есть очень веские причины не доверять тебе, Бетал. В каждой твоей истории обнаруживается один и тот же умысел: ты стараешься посеять во мне сомнение и настроить меня против Виджая. В угоду этому умыслу ты отрицаешь неопровержимые истины, искажаешь факты, пытаешься выставить героев дураками и, наконец, выдумываешь такие нелепицы, в которые не поверит и ребёнок.

Возьмём твою последнюю историю: она совершенно неправдоподобна. Могущественный чудотворец, способный превратить мужчину в женщину и простолудина в брахмана, затевает сложную интригу, чтобы жениться на дочери горного князька – ну, что это за вздор? Существо, обуреваемое столь низменными страстями, никогда не обретёт способность творить чудеса. Такая способность

даётся только тем, кто преодолел страсти и возвысился над суетой мирских иллюзий – и даётся она не просто так, а как знак духовного совершенства и последняя ступень перед выходом из круговорота рождений и смертей. Если аскет уже приблизился к этой ступени – зачем ему переселяться в более молодое тело? Зачем ему откладывать своё окончательное освобождение ещё на несколько десятилетий?

Нет, Бетал, так не бывает. Я легко поверил бы в то, что святой отшельник из милосердия помог соединиться двум влюблённым сердцам – но финал этой истории заставляет усомниться во всей истории. Ты либо соврал, либо пересказал чужое враньё – но, так или иначе, кое-чего ты всё же добился. Я заговорил, и теперь ты свободен! Лети же на своё дерево, вздорный мертвец – я всё равно найду способ доставить тебя к Шри Виджаю!»

— А пожалуй что и полечу, — сказал Бетал, поднимаясь в воздух. — Но историю про Махадева ты всё-таки запомни: возможно, в ней больше правды, чем тебе сейчас кажется.

И улетел на свой тамаринд, и ловко повесился вниз головой. Викрам вернулся, снял мертвеца, заткнул ему рот своим платком и обмотал всю его голову своим тюрбаном, для пущей надёжности. Бетал пытался сопротивляться, отбивался руками и ногами – но не мог проронить ни слова. Довольный своим успехом, Викрам

взвалил его на плечи и поволок к Виджаю – но, не пройдя и ста шагов, снова услышал знакомый голос:

— Затыкаешь мне рот, Викрам Адитья? Ну и ладно, умному человеку и это не помеха. А расскажу-ка я тебе сейчас про умных людей, которые умели говорить без слов и – представь себе! – понимали друг друга гораздо лучше, чем ты меня сейчас понимаешь. Впрочем, ты ведь тоже не глуп, и есть надежда, что когда-нибудь ты всё-таки меня поймёшь. Или не поймёшь – но всё равно, послушай.

И Бетал рассказал свою пятую историю.

Пятый рассказ Бетала

В городе Варанаси самое главное – это святая река Ганга. На её берегу вечное движение: кто-то моется, кто-то молится, кто-то быков купает, кто-то покойников жжёт. И каждый вечер юные пандиты в белых одеждах выходят на гхаты, поклоняются реке и зажигают жертвенные огни. Уже много сотен лет они этот ритуал совершают – и будут совершать ещё много сотен лет, пока будет стоять город Варанаси...

– впрочем, я вижу, Викрам, что про Варанаси тебе не интересно, да? Тебе, наверно, гораздо интереснее другое: как же это Бетал ухитряется разговаривать, когда рот у него наглухо заткнут, да ещё и тюрбаном обмотан? А всё очень просто: для разговора я совсем не использую язык. Я же мёртвенький, язык у меня давно отсох – вот и приходится посылать слова тебе прямо в мозг, минуя уши. Кстати, я с самого начала только так и разговариваю,

даже губами не шевелю. А ты и не замечаешь, потому что невнимательный ты к окружающим. Об одном только думаешь: как бы меня поскорее к Виджаю доставить. Да расслабься ты и не спеши, всё равно ведь не донесёшь. Послушай-ка лучше, что я тебе рассказываю. Там чем дальше, тем интереснее будет.

Значит, обитал когда-то в Варанаси молодой пандит по имени Дамодара. Жил он там не тужил, Ведаи наизусть учил, книжки мудрые читал, ритуалы совершал, в диспутах участвовал. Дожил он так до восемнадцати лет, но о женитьбе и не помышлял – всё бы ему учиться да медитировать.

Дружил Дамодара с Гандипой, царевичем из страны киратов, и дружба эта многих удивляла. Гандипа в университете три года проучился, да так ничему и не научился. Читал он по складам, считал на пальцах, и все науки ему были скучны и непонятны, а интересовали его только лошади, оружие, вино, опиум и женщины. Но для Дамодары он был как младший брат – пусть и неразумный, зато свой.

Однажды вечером вышел Дамодара на берег Ганги, прошёлся по гхатам и нашёл там своего лучшего друга. Сидел царевич на каменной ступеньке, вертя в руках цветок лотоса, и на лице у него было написано такое отчаяние, что даже нищие к нему не цеплялись и торговцы за пять шагов обходили. И догадался Дамодара,

что друг его, должно быть, в очередной раз катастрофически влюбился.

Присел он рядышком с царевичем, помаленьку выпросил про его печаль. И поведал Гандипа, что встретил на этом самом месте неотразимую красавицу, всю в золоте и цветах, окружённую разодетыми и благоухающими служанками. И был он ею насмерть поражён – она же мимо прошла и не оглянулась, только уронила на камни вот этот цветок лотоса. И вскоре скрылась из виду, и где теперь её искать?

Дамодара лотос взял и внимательно осмотрел. И заметил, что стебель цветка припахивает маслом для волос, как будто его за ухом носили; а кончик стебля сплюснен, как будто его в зубах мусолили. Гандипа подтвердил: да, она за ухо заложить пыталась... а потом прикусила... а потом к груди прижала, и только после этого уронила.

Тут-то Дамодара и сказал:

— Друг мой Гандипа! Ты хоть и зрячий, а как будто слепой. Неужели ты не заметил, что она тебе знаки подавала? «Ухо» на санскрите «карна», «укус» – «дантагхата», а лотос – «падма». Из чего я и заключаю, что красавица твоя живёт в городе Карнапуре, отца её зовут Дантагхата, а сама она зовётся Падмини. А то, что она цветок возле тебя уронила, означает, что ты ей приглянулся. Чтобы этот знак понять, даже санскрита знать не надо!»

Гандипа засомневался: «А не перемудрил ли ты, Дамодара? Виданное ли дело, чтобы девушки такие хитрые загадки загадывали, да ещё и на санскрите!» – Пандит его обсмеял: «Это для тебя они хитрые – а для грамотных людей это проще чем банан почистить. Мы такими шардами ещё в младшей школе баловались. Впрочем, если тебе не верится – можно туда съездить и всё проверить. Карнапур ведь не так уж и далеко: вверх по течению десять дней, а если по суше, то и вовсе неделя пути».

Услышав об этом, Гандипа тут же устремился на базар, нанимать повозку до Карнапура. Дамодара пытался его отговорить, но, в конце концов, сам с ним поехал. Решил пандит проверить, насколько точно он все знаки разгадал – да и на красавицу поглядеть, если получится.

И прибыли они в Каранапур, и - представь себе, Викрам! – первый же встречный показал им, где живёт Дантагхата. А второй встречный рассказал им всё про Падмини. А третья встреча оказалась её бывшая нянька – старая, одинокая и очень бедная.

Поселились наши герои у старухи, подкормили её и приодели – а она им за это обещала всяческую помощь и поддержку. Гандипа сразу загорелся: беги, мол, бабушка, к моей любимой и сообщи ей, что я уже здесь! Но Дамодара его пыл остудил: «Друг мой Гандипа, не надо так сразу и напрямик. Красивая девушка требует красивого подхода. Пошли-ка ты ей лучше блестящую лаковую

шкатулку, а внутрь положи статуэтку Арджуны, завернутую в листья бетеля. А для большей ясности возьми капельку кармина и покрась Арджуне лук. Таким образом Падмини и имя твоё узнает, и чувства твои поймёт».

Гандипа усомнился: «Как же она всё это поймёт, если даже я тут ничего не понимаю?» – Дамодара в ответ рассмеялся: «Да что же тут непонятного? «Блестящий» на санскрите «каши» – а это настоящее имя города Варанаси, известное всем образованным людям. Лук Арджуны назывался Гандива – тебе, Гандипа, это слово ничего не напоминает? А бетель и кармин – символы любовной страсти, об этом даже крестьяне знают».

Собрал Гандипа такую посылку и вручил старушке. Сходила она к Падмини и вернулась расстроенная: очень уж неприветливо девица её приняла. Разговаривала с ней холодно и надменно, а когда шкатулку открыла и статуэтку рассмотрела – возмутилась, раскричалась и отвесила старухе две пощёчины. Руки её были в камфарной пасте, и на старухиных щеках чётко отпечатались десять белых пальцев. Хотела нянька стереть эти метки, но Падмини не позволила. Сказала: пускай Гандипа из Варанаси на них посмотрит и сделает выводы.

Гандипа опечалился: значит, от ворот поворот? А Дамодара усмехнулся: «Друг мой Гандипа, ты опять ничего не понял. Десять белых пальцев – это десятый день светлой половины месяца. Знаки эти оставлены на

щеках няньки – значит, в указанный день нянька должна снова явиться к Падмини и получить от неё новое послание для тебя».

И остались друзья в Карнапуре дожидаться десяти дня. А как дождались, так Гандипа снова чуть в отчаянье не впал. Падмини-то старуху на этот раз даже видеть не пожелала! Приказала служанкам: «Выведите её отсюда! да не через парадный вход, а через задний двор, в ту калитку, что в саду за беседкой». И никакого послания Гандипе не передала, и его имя даже вскользь не упомянула.

Дамодара как про это услышал, от души Гандипу поздравил: «Сбылась твоя мечта, царевич! Мойся-умайся, приводи себя в порядок, а после заката ступай в сад – Падмини тебя в беседке ждать будет. Знак на этот раз яснее ясного, никак иначе толковать его нельзя».

Так оно и вышло. Пробрался Гандипа в сад, и встретился в беседке со своей возлюбленной, и получил от неё гораздо больше, чем ожидал. От такого горячего приёма ему и вовсе голову снесло: стал он Падмини замуж звать, да так настойчиво! так проникновенно! Она же ему в ответ печально улыбнулась: «Куда мне замуж? Я с восьми лет замужем, на будущий год к мужу перееду. Хороший ты парень, Гандипа, но невнимательный – мог бы и заметить, что и одеваюсь я по-замужнему, и украшения замужние ношу. Или ты меня у мужа похитить хочешь?»

Гандипа воскликнул: «Да легко! Давай я увезу тебя в страну киратов - там никто и не узнает, что ты замужем. Такой брак, между прочим, считается ведическим, он называется... ну, в общем, мы это в школе проходили, как-то он там называется...»

Падмини с подозрением на него посмотрела и по щеке тремя пальцами провела. И сказала: «Ладно, я подумаю. До свиданья, заходи, буду рада тебя видеть». – А Гандипа её тут же переспросил: «Можно тогда я завтра зайду?»

Падмини удивилась: «Да что с тобой, Гандипа-джи? Три пальца ведь было, не один – неужели не заметил». Гандипа признался: «Заметил... но не понял...»

«Ты не понимаешь таких простых намёков? – не поверила Падмини. – Но как же ты тогда мои послания разгадал?»

И тут Гандипа рассказал ей про пандита Дамодару. Падмини нахмурилась, задумалась и наконец промолвила: «Ну что же, передай Дамодаре мой низкий поклон и вручи ему этот стих».

И взяла пальмовый лист, и нацарапала на нём:
«Мудрость есть главное украшение мужчины. Всякий день благоприятен для встречи с мудрецом».

Гандипа стих кое-как прочёл, но опять ничего не понял. А Дамодара, как обычно, обо всём по

первой строчке догадался – но ничуть не обрадовался. И предложил Гандипе: «Давай уедем отсюда поскорее. Дурное это дело и опасное, крутить шашни с чужой женой, да ещё и с такой развратной». Гандипа подумал и согласился, но всё же решил на три дня задержаться и красавицу ещё разок навестить. Ну, чтобы попрощаться как следует – нехорошо ведь уезжать, не простившись.

Дамодара на это ответил: «Если ты остаёшься – значит, и я остаюсь. Вместе мы приехали, вместе и уедем». И взял пальмовый листок, и написал для Падмини вот такой стишок:

«Чистота есть главное украшение женщины. Всякий день неблагоприятен для утратившей чистоту».

Падмини эти строки прочла – и прослезилась. И весь вечер была задумчива и рассеяна, а когда настало время расставаться – сходила в дом и вынесла горшочек со сладким рисовым пудингом. И попросила Гандипу: «Передай это своему другу, в знак моей благодарности за проникновенные стихи». И провела по щеке одним пальцем – и Гандипа тут же решил не говорить, что прощается с ней навсегда. И сказал: «До завтра, любовь моя!»

И принёс пандиту угощение – но Дамодара его даже не понюхал, сразу собаке бросил. Она его сожрала и околела. И тут уже даже Гандипа всё понял – и дико разозлился на беспутную девку, которая чуть не отравила его лучшего друга! И воскликнул: «Завтра я её убью!» – и

действительно был готов её убить! Но Дамодара его отговорил: «Не делай этого, Гандипа, не губи свою карму. Мы эту хитрую бестию по-другому накажем. Давай-ка я для неё угощение приготовлю – и посмотрим потом, кто из нас хитрее».

На другой день, когда Гандипа к Падмини собрался, вручил ему Дамодара кувшин вина, сдобренного опиумом, и небольшой трезубец. И велел напоить девушку вином, а когда она уснёт – украсть её самое дорогое ожерелье и поцарапать её трезубцем в нескольких открытых местах.

Гандипа всё это очень удачно проделал: и напоил, и обокрал, и оцарапал - и вернулся к Дамодаре, крайне довольный своей ловкостью. И думал уже, что можно отчаливать обратно в Варанаси - но Дамодара сказал: «Нет, месть моя ещё не завершена. Завтра переоденься странствующим аскетом, отнеси это ожерелье на рынок и предложи его самому богатому ювелиру. Если он его купит – бери деньги и уходи; а если будут у тебя неприятности – кричи, что эту вещь тебе дал твой учитель, знаменитый йог Чарака, который живёт на кладбище. И ничего не бойся – всё, что нужно, я уже устроил».

И вот, отнёс Гандипа ожерелье на рынок – и тут же начались у него неприятности. Ювелир мгновенно распознал, что эта драгоценность из дома Дантагхаты – и кликнул стражу, и Гандипу связали и повели к городскому судье. А судья ни про какого йога и слушать не

захотел. Велел он всыпать вору плетей и с позором выгнать его из города. И приговор был бы исполнен незамедлительно – но тут в судебный двор явился сам йог Чарака. Выглядел он сурово и внушительно, почти как Шива в жутком образе Бхайравы. Постучал он по полу трезубцем и возгласил грозным басом:

«Гандипа! Чего хотят от тебя эти люди?»

И только по голосу царевич распознал в знаменитом йоге своего друга Дамодару. Бросился он к его ногам и принялся объяснять суть дела. Йог его молча выслушал и объявил судье и всем присутствующим:

«Да, ожерелье – это мой трофей! Сегодня ночью я отобрал его у ведьмы. Развяжите моего ученика и отдайте мою добычу!»

Тут судья принялся расспрашивать его про обстоятельства этого дела. И йог рассказал такую историю:

«В эту ночь я сидел на кладбище и созерцал свою смерть. Тело моё было подобно сгоревшей ветке, но духу всё никак не удавалось уподобиться остывшему пеплу. Я прервал медитацию, огляделся вокруг и увидел, что на кладбище горит костёр, а возле него сидит женщина с годовалым младенцем. Он громко плакал – вот отчего я не мог сосредоточиться.

Я подошёл поближе и увидел, что у ребёнка связаны ноги, а в руках у женщины большой нож. Это была ведьма – одна из тех, которые крадут и пожирают детей. Я велел ей оставить ребёнка и убираться

с кладбища – она же отложила его в сторону, встала и пошла на меня с ножом. Я ударил её трезубцем – она увернулась, лишь слегка оцарапавшись, и бросилась на меня с другой стороны. Но я был проворнее – она снова напоролась на мой трезубец. Тут уж я атаковал её, сорвал с неё ожерелье и отогнал от ребёнка – и она убежала, осыпая меня проклятиями. Так мне досталась эта вещь, которую я хочу продать; ребёнка же я отдал крестьянам, живущим возле кладбища».

А надо сказать, что накануне в городе действительно пропала годовалая девочка. И был по этому поводу большой переполох, и многие подозревали, что ребёнка украла ведьма. Когда йог сообщил, что девочка жива, гонцы побежали на кладбище и вскорости её доставили. Радости её родителей не было предела! А судья спросил у знаменитого йога:

«Шри Шри Чарака! Скажите, пожалуйста: а есть ли, кроме этого ожерелья, ещё какие-то приметы, по которым можно распознать упомянутую ведьму?»

Йог ответил коротко и просто:

«Следы, оставленные моим трезубцем».

И тогда судья послал гонцов к Падмини и велел сообщить ей, что похищенное ожерелье нашлось – пусть-де зайдёт в суд, опознает его и заберёт. Падмини вскорости явилась – и все увидели на её руках, груди и поясе явственные следы трезубца! И йог, едва её завидев,

воскликнул: «Да, это она!» И, как красавица ни оправдывалась, участь её была предрешена.

Нет, Викрам, её не сожгли – в Карнапуре сжигают только вдов и только по их собственному желанию. Её не повесили, не обезглавили и даже не высекли – её просто посадили на плот, отбуксировали на середину Ганги и пустили вниз по течению. И не дали ей ни весла, ни шеста, чтобы она не мешала реке решать свою судьбу. И даже её родители от неё отказались, вот до какой степени все поверили, что она ведьма! И вправду, трудно было не поверить столь очевидным доказательствам.

А на другое утро весь город высыпал на берег Ганги – провожать могучего йога Чараку и его ученика. Горожане подарили им лодку, а отец похищенной девочки вызвался проводить их хоть до самого моря. Но друзья отказались от его компании, поскольку Чараке не хотелось всю дорогу париться в парике и накладной бороде. Едва отплыв от города, они причалили к уютной рощице, помылись, переоделись –

и вдруг заметили Падмини. Шла она к ним с другого берега прямо по воде, лицо её пылало гневом и было прекрасно как никогда. Гандипа шагнул ей навстречу – она схватила его за волосы, и прокусила ему горло, и в три глотка высосала всю его кровь. И отшвырнула его тело на середину реки, и обратилась к остолбеневшему Дамодаре:

— Не бойся, пандит, я не буду тебя убивать, ты мне для другого нужен. Ты оказался умней, чем я думала: ты догадался, кто я на самом деле. Да, я скверная женщина: я колдую, навожу порчу, краду молоко у коров, соблазняю школяров и ем детей. Сам понимаешь, что при таких недостатках мне необходим очень строгий, порядочный и умный муж, который уравновесил бы мои дурные наклонности и, возможно, смог бы обуздать мою безудержную натуру. Любого другого я загрызу, как только он мне надоест – тебя же я буду любить и почитать до конца твоих дней. Правда, жить нам теперь придётся не в уютном особняке, а в горной пещере, однако в этом, если разобраться, есть и доля твоей вины. Но я на тебя не сержусь – и ты на меня не сердись. Давай-ка полетим в нашу пещеру – вот увидишь, там не так уж плохо!

И Падмини обняла Дамодару за талию и улетела с ним в Гималаи – и с тех пор он навеки пропал для цивилизованного мира. И чем больше я размышляю об этой истории, Викрамушка, тем больше убеждаюсь в том, что молодой пандит пострадал исключительно из-за своих самых лучших качеств: дружеской верности, чистоплотности и принципиальности. Судьба наказала его за то, что он вёл себя слишком правильно – не так ли, Викрам Адитья? Или ты считаешь иначе? Говори же: если ты имеешь своё мнение и молчишь – твоя кровь закипит и испарится!

Так Бетал закончил свой пятый рассказ. И Викрам ответил ему:

— Да, у меня есть своё мнение. Я считаю, что в прошедшем больше всех виноваты родители Дамодары. Если бы они женили сына своевременно, ничего подобного с ним бы не произошло. Он просто не поехал бы с Гандипой в Карнапур – семейному человеку некогда было бы заниматься такими пустяками. А «лучшие качества» тут ни при чём: Гандипа ведь таковых не имел, но пострадал гораздо тяжелее – не так ли, Бетал?

— Так-то оно так, — возразил Бетал, — но ты забываешь про Падмини. Её выдали замуж в восемь лет – и что же? Пошло ей это на пользу? Нет, Викрам, брак не панацея: если человек захочет найти себе неприятности, он найдёт их вне зависимости от семейного положения. Взгляни-ка на себя: у тебя же наверняка несколько жён и куча детей – а ты тут с покойником по лесу бегаешь...

— Ну, и какие у меня от этого неприятности? — усмехнулся Викрам. — Я здоров, я не устал, я даже не вспотел. Я гуляю, отдыхаю, ты рассказываешь мне интересные истории, воздух свеж, погода хороша – чего мне ещё желать? А потом я донесу тебя до Виджая, и он вручит мне то, что обещал, и – уверяю тебя! – все мои жёны и дети от этого только выиграют. Правда, Бетал?

— Ай да Викрам! — воскликнул Бетал. — Ай да оптимист! С тобой чертовски приятно говорить – но, похоже,

мы с тобой заговорились. Лес-то уже вот-вот закончится, а там за ручьём кончается и моя территория. Полечу-ка я домой и отдохну немножко – а потом ты опять за мной зайдёшь и мы ещё погуляем.

И улетел на свой тамаринд и ловко повесился вниз головой. А Викрам тихонько выругался ему вслед: он ведь давно заметил, что дорога свернула к выходу из леса. И он надеялся, что вот-вот успеет – но Бетал всё-таки сорвался с крючка!

Ладно, пусть себе летит – главное, что Викрам обнаружил наконец слабое место Бетала. Покойник любит поговорить! Ну что же, тогда всё просто. Надо ускорять шаг, когда он говорит увлечённо, и притормаживать, когда его речь замедляется. А на загадку его надо отвечать как можно длиннее – он ведь не улетит, пока не дослушает ответ!

И Викрам вернулся к тамаринду, бодрый и уверенный в себе. Покойник приветствовал его радостным возгласом. Викрам отвязал его, взвалил на плечи и отправился в путь. А Бетал тут же принялся рассказывать ему свою шестую историю.

Шестой рассказ Бетала

Н а западе нынче нет ничего интересного. Пустыни да болота, болота да пустыни, а за ними река Синдх, а за нею край земли. Но не всегда это было так, Викрам Адитья. Всего лишь пятьдесят тысяч лет назад на берегах Синдха стояли сотни городов, один другого богаче – а в самом главном городе Западной страны (названия которого сейчас не упомянут даже самые учёные пандиты) росла огромная кальпаврикша. Это дерево исполняло любые желания, даже самые идиотские, и не требовало ни поклонения, ни жертвоприношений, ни каких-то там особых ритуалов. Надо было просто встать под ним, загадать желание и произнести Гаятри-мантру. Если мантра звучала чисто и правильно, то после слов «Ом бхур бхувах сваха» на ветке появлялся цветок, после «Тат Савитури вареньям» он превращался в завязь, после «Бхарго девасья дхи-махи» из завязи развивался плод, а после «Дхийо йо нах

пращаю» этот фрукт падал на землю. А дальше всё было ещё проще: отнеси его домой, положи в горшок, полей водичкой – и из него вырастет та вещь, которую ты заказал.

Дерево это появилось на Земле три миллиона лет назад, сразу после потопа. И оно было не единственным: точно такие же кальпаврикши росли на севере, на юге и на востоке, и ещё одна была посерединке, где-то у истоков Годавари. Боги вручили эти растения людям, чтобы они ни о чём не заботились и ни в чём не нуждались; и они приказали лучшим из людей обнести волшебные деревья железными оградами, выставить возле них вооружённую охрану и внимательно следить за тем, чтобы кальпаврикши не разрастались слишком широко.

В те блаженные времена никто ещё не понимал, зачем нужны все эти предосторожности. Людей в мире было мало, все они были могущественны как боги и не страдали лишними желаниями – а потому и кальпаврикши не вызывали у них большого интереса. Однако божьи садовники сделали всё в точности так, как велели боги: выстроили стены, регулярно обрывали воздушные корни, подрезали ветки и верхушки – и всегда были готовы принять всех желающих и пересказать их просьбы волшебному дереву.

Поначалу нуждающихся было меньше чем немного, и желания у них были простые и очень добрые. Но через

пару миллионов лет Золотой век сменился Серебряным, а там и Медный подоспел. Люди сильно расплодились, могущества у них поубавилось, а желаний поприбавилось – и тогда хранители деревьев стали главными людьми во всём мире. Их называли «бхагаванами» и почитали наравне с богами; а к каждой кальпаврикше стекались уже сотни просителей в день. И не все они хотели чего-то доброго и полезного – попадались среди них и весьма неприятные личности с пакостными и злыми желаниями, исполнять которые было никак нельзя. Потому-то бхагаванам и приходилось теперь целыми днями фильтровать людские потоки, чтобы отделить достойных от недостойных. Постепенно эта задача стала им не по силам, и они назначили себе помощников. Так на земле появились брахманы и кшатрии. Однако и помощники вскоре перестали справляться с наплывом жаждущих – а их становилось всё больше и больше, день ото дня и год от года.

Тогда-то в верховьях Годавари и придумали простой и эффективный способ распределения плодов кальпаврикши. Раз в неделю тамошний бхагаван вместе со своими брахманами просил у дерева много еды, одежды и всяких полезных простых вещей. Звучала Гаятри, падали плоды. Кшатрии собирали их, вывозили на площадь и раздавали народу по одной штуке в одни руки. Такой порядок завёлся у них ещё в Серебряном веке, и бхагаваны поддерживали его восемьсот тысяч лет или даже больше. Однако соседи их примеру не последовали.

Бхагаваны северной кальпаврикши говорили: «На Годавари всё вверх ногами: господа работают, холопы отдыхают». Сами они решили задачу по-своему: просто приняли такой закон, что под дерево разрешается входить только брахманам и кшатриям, а всем остальным нельзя даже на его тень наступать. И этот закон строго соблюдался восемьсот тысяч лет: все брахманы и кшатрии охотно его поддерживали. Простецов же брахманы морочили и запугивали, а кшатрии поколачивали и отгоняли подальше от дерева. И простецы в конце концов находили себе пропитание и сами как-то устраивались.

Бхагаваны восточной кальпаврикши называли Север и Годавари «странами дураков». Они считали, что желания неграмотных людей порочны по своей сути; а потому постановили, чтобы все прошения к дереву желаний подавались только в письменном виде, и никак иначе. А потом ещё возле дерева сидел брахман, читал твоё прошение и задавал тебе три вопроса. Хоть на один ответишь неправильно – и всё, к дереву уже не подпустят. Зато внутри можно было хоть целый день Гаятри распевать, и даже тачку давали. И эта система тоже просуществовала восемьсот тысяч лет – оттого-то Восток до сих пор такой грамотный! Правда, раз в пятьсот лет восточные грамотеи устраивали мощный бунт и свергали бхагавана – но потом всё равно восстанавливали прежний порядок, потому что не могли придумать ничего более разумного.

Бхагаваны южной кальпаврикши подсмеивались над всеми своими соседями. У них всё было традиционно и просто: никаких законов, кроме уважения к старшим. Пропуском к дереву желаний на юге служила седая борода. Стражники все бороды внимательно осматривали, и если находили хоть один чёрный волос, то вежливо просили прийти через пару лет. А проходимцев с крашеными бородами вычисляли без труда и изгоняли навечно: глаз у стражников был намётанный. И этот порядок тоже существовал восемьсот тысяч лет, и недовольны им были только молодые, да и то не все. Каждый ведь надеялся до седых волос дожить и под кальпаврикшей прописаться.

А бхагаван западной кальпаврикши посчитал все эти ухищрения излишними. Он провозгласил: «Да исполнятся желания каждого, кто умеет правильно и красиво петь Гаятри-мантру! Воистину, среди тех, кто хорошо поёт Гаятри, нет и не может быть недостойных людей!» И велел снести ограду, построенную вокруг дерева желаний, и больше не обрезать его ветки. И за восемьсот тысяч лет оно разрослось настолько, что покрыло своей кроной всю западную четверть земного диска. И стало под ним тесно, потому что сбегались под его сень многочисленные северные простецы, молодые парни с юга, малограмотные дядьки с востока и даже некоторые граждане с верховьев Годавари, которым надоели слишком простые вещи. И прописались там надолго или навсегда, и научились безупречно петь Гаятри – а

у слона Анджаны, поддерживавшего западную сторону земного диска, помаленьку начали подгибаться коленки. Непомерно утяжелилась эта сторона, и вся Земля пошла перекашиваться на запад, грозя перевернуться вверх тормашками.

Бхагаваны встревожились и потребовали от западного, чтобы он срочно обрезал ветки своей кальпаврикши, восстановил ограду и выгнал из страны всех лишних людей. Но западный бхагаван ответил им: «Разломайте лучше ваши ограды и перестаньте обрезать кальпаврикши. Тогда и у вас будет как у меня, и равновесие восстановится».

Бхагаваны не последовали его совету, а наоборот. Они объединили свои армии и отправили их в западные земли. И поразрушили тамошние города, и истребили там всех, кто попался под руку, и западного бхагавана тоже истребили. А у его кальпаврикши попытались удалить лишние стволы и укоротить ветки – но где-то что-то не рассчитали, и дерево рухнуло. И весь Запад после этого превратился в пустыню, и весь этот раздрай случился только из-за того, что западный бхагаван слишком сильно желал добра своим подданным – не так ли, Викрам? Или ты считаешь, что причина катастрофы в чём-то другом? Говори же, не подвергай себя опасности! Если ты имеешь своё мнение и молчишь, твои кости рассыплются на мелкие кусочки!

Так Бетал закончил свой шестой рассказ. Викрам ускорил шаг и ответил ему:

— Катастрофа случилась, потому что она не могла не случиться. В Золотой век деревом желаний интересовались лишь немногие. Но затем, по мере общей порчи мира, люди перестали видеть разницу между добром и злом, между исполнением желаний и счастьем. Оттого-то и произошла впоследствии битва на Курукшетре, а вслед за ней ещё великое множество несчастий и катастроф. Испортились не только простые люди – испортились и дваждырождённые, и даже сами бхагаваны.

Хранители западной кальпаврикши впали в детство: одному из них пригрезилось, будто правильное произношение есть признак добродетели – а остальные повторяли эту глупость из поколения в поколение восемьсот тысяч лет подряд! Не удивительно, что они первыми лишились кальпаврикши: её отняли у них как игрушку у ребёнка.

Немногим лучше оказались и восточные бхагаваны: они вообразили, что добродетель проявляется в грамотности и умении отвечать на вопросы! Восемьсот тысяч лет они играли в школу – и я уверен, что соседи в конце концов отшлёпали их как школьников и отобрали деревце.

— Они сами себя отшлёпали, — возразил Бетал, — и сами дерево загубили. Вернувшись домой, тамошняя армия тут же начала готовиться к круговой обороне. Кальпаврикша сутками напролёт рожала им доспехи,

коней и оружие – но им всё было мало и мало. И они додумались построить под деревом что-то вроде лесов, расположить на них тысячу проверенных людей, и чтобы вся эта толпа дружно пожелала оружия и хором пропела Гаятри. Представление состоялось, певцы попали в унисон, на дереве разом выросла тысяча плодов, и ветки сломались под их тяжестью. После этой травмы кальпаврикша уже не отзывалась ни на какие Гаятри, как бы красиво и правильно они не звучали. Зато оружия у них получилось огромная гора.

— И что они сделали с этим оружием? — спросил Викрам, осторожно наращивая скорость.

— Поубивали друг друга, — ответил Бетал. — Не так чтобы совсем пустыня осталась, но тысячу лет потом в себя приходили. У них же были стрелы с калакутой, ещё с Трета-юги лежали – ну, и какой-то герой пустил их в ход. Представляешь, Викрам, что такое калакута?

— Только очень приблизительно, — сказал Викрам, вглядываясь вдаль. Деревья вроде бы уже поредели, сквозь толщу веток просвечивало пульсирующее оранжевое пятнышко – наверно, костёр Виджая. А покойник-то явно увлёкся беседой – значит, надо говорить с ним ещё и ещё...

— Ну, и я эту калакуту никогда не видел, только слышал, — сказал Бетал. — Говорят, что это чёрный огонь, сжигающий всё и не гасимый ничем. Но что это мы всё с тобой болтаем и болтаем? Ты ведь заговорил – а значит...

— Ничего это не значит! — уверенно возразил Викрам.
— Ты ещё не рассказал мне, как погибли остальные кальпаврикши.

— Они не все погибли, — уточнил Бетал. — Одна до сих пор стоит где-то в южных лесах, её все забросили и забыли. Но если пропеть под ней Гаятри — она заработает, можно быть уверенным.

— Слишком похоже на сказку, — улыбнулся Викрам.
— Трудно поверить, чтобы люди вот так вот просто ушли от дерева желаний.

— Южане ушли не просто, — сказал Бетал. — Южане ушли красиво. У них под кальпаврикшей образовалось изрядное стойбище седобородых, которые ничего уже не желали, а просто заседали в тени и размышляли на духовные темы. Один из них вообразил себе мир без себя, и стало ему так хорошо и торжественно, что он самопроизвольно запел Гаятри. И тут перед ним свалился плод, о смысле которого он догадался сразу. И объявил остальным дедам: «Братья! Без нас тут будет лучше!» — и съел этот плод, и навеки выпал из круговорота рождений и смертей. Пример его оказался заразительным: сперва увлеклись другие деда, за ними стражники и придворные, затем поветрие распространилось на молодёжь, и даже сам бхагаван в конце концов не преминул воспользоваться этой лазейкой. За каких-то несколько лет в плену иллюзии бытия остались только те, кто не умел

как надо петь Гаятри. Они покинули опустевший город и перебрались на побережье; а под деревом с тех пор заседают только макаки.

— А что стало с северной кальпаврикшей? — спросил Викрам. Лес уже стал совсем прозрачным, но просвет всё никак не появлялся. Надо бы подбежать — но вдруг покойник заметит?

— Викрам, не разгоняйся! — попросил Бетал. — Этак я тебе не успею про северные дела рассказать. А у них там случился целый военный эпос. Когда рухнула западная кальпаврикша, северяне принялись наскакивать на годаварских бойцов: дескать, это из-за вашей неаккуратности она погибла. Годаварские, в свою очередь, обвинили северян, — а те попёрли на них войной, вышибли с Запада и гнали через весь мир аж до истоков Годавари. А по берегам Годавари тогда бродил Парашурама — брахман-с-топором, он же Истребитель Кшатриев. Заметив армию северян, Парашурама истребил её в считанные минуты. В ответ северяне послали на Годавари ещё две армии, но Парашурама их тоже уничтожил. В итоге Север остался без кшатриев, и тамошнюю чернь никто уже не держал в узде. Простецы взбунтовались, свергли бхагавана и проникли к кальпаврикше.

Дерево, конечно же, не стало исполнять их желания, потому что никто из них не умел красиво и правильно произносить Гаятри — да что там! они вообще эту мантру

произносить не умели, потому что не знали. Однако они так и не догадались, в чём кроются причины их неудачи. Они решили, что хитрые брахманы заколдовали кальпаврикшу или как-то её отключили, чтобы досадить простому народу. И кинулись шарить по близлежащим кустам, и нашли какого-то недобитого брахмана. Притащили его к кальпаврикше, приставили нож к горлу и велели: «Заставь это дерево работать!»

Брахман как бы согласился, но вместо Гаятри исполнил такие суровые заклинания, от которых все простецы покрылись волдырями, а огромная кальпаврикша за пятнадцать минут засохла вся, от корня до верхушки. Народные мстители разгневались, изрезали брахмана в лоскуты – но дерево было уже не оживить.

— А что случилось в верховьях Годавари? — спросил Викрам, с надеждой вглядываясь в полоску горизонта, уже заметную за деревьями. — Куда делась тамошняя кальпаврикша?

— А вот об этом, Викрамушка, я расскажу тебе в следующий раз, — ответил Бетал. — Мы сейчас находимся в опасной близости от края леса, а ты и не думаешь сбавлять скорость. В общем, я сейчас домой слетаю, повишу немножко, а потом тебе всё расскажу. До скорого, Викрам Адитья!

И улетел на свой тамаринд, и ловко повесился вниз головой. Викрам вернулся, отвязал его и снова понёс через лес.

По дороге Бетал опять заговорил:

— Значит, повисели и продолжаем. Ты, кажется, хотел узнать, что случилось с пятой кальпаврикшей?

— Вовсе не хотел, — неожиданно ответил ему Викрам. — Все эти дела давно минувших дней меня совсем не интересуют. Я расспрашивал про них только для того, чтобы время протянуть и твоё внимание отвлечь.

— Вооот как? — удивился Бетал. — А я, ты знаешь, почти поверил, что тебе это интересно. Ладно, не буду рассказывать тебе про пятое дерево... но о чём же тебе рассказать? Что тебя вообще интересует, кроме твоего Виджая?

— Расскажи о себе, — предложил Викрам. — Поведай мне, откуда ты такой взялся, почему висишь на тама-ринде и что вы не поделили с Виджаем.

Бетал удивился:

— Ты действительно хочешь об этом узнать, — переспросил он, — или опять надеешься отвлечь моё внимание? Впрочем, какая разница. Ты об этом спросил — значит, слушай.

И Бетал рассказал свою седьмую историю.

Седьмой рассказ Бетала

Р

одился я в городе Пури, в простой брахманской семье, но при чудесных обстоятельствах. Отец мой умер в девять лет. Мать моя в восемь лет овдовела, но решила хранить верность покойному мужу до конца своих дней. Когда она вошла в детородный возраст, отец спустился к ней с небес и провёл с ней ночь. И она забеременела и меня родила, вот такое было чудо. Его даже в храмовую летопись занесли, а меня иногда показывали паломникам как живую иллюстрацию. Звали меня тогда Девадатта – то бишь, «дарованный богами».

Дедушка мне каждый день про отца рассказывал – какой он был честный, умный, благочестивый и со всех сторон совершенный. Я очень старался быть на него похожим, и у меня это почти всегда получалось! И юность моя была образцовой: я женился, выучился, служил в

храме Джаганнатхи, произвёл на свет двоих сыновей. И ни разу свой город не покидал, и даже от храма далеко не отходил. Храм-то в Пури как целый город, библиотека в нём на много тысяч корзин, и еды в нём каждый день готовят на много тысяч человек, и посещают его существа из всех четырнадцати миров – не только люди, но и духи, и демоны, и даже боги! Дедушка говорил, что все тайны Вселенной можно узнать, не выходя из храма – надо лишь внимательно смотреть и слушать.

С детства я коллекционировал истории – в основном, из тех, что паломники рассказывали. Записывал их на пальмовых листочках, складывал в коробочки – со временем накопилось примерно полкорзины. Слушать их любили все мои домашние, особенно дедушка. Он, по старости, ходил уже с трудом, к Джаганнатхе выбирался редко – но ум его был ясен до самой смерти. К каждой моей истории он с лёгкостью подбирал стихи из священных писаний, которые как будто про неё были писаны и всё в ней расставляли по местам. И всякий раз выходило примерно одно и то же: жить надо правильно, и тогда всё будет правильно; а если сделал что-то неправильно – исправь ошибку и живи правильно. И тогда всё будет хорошо, а в будущей жизни станет ещё лучше.

Я преклонялся перед дедушкиной мудростью и старался всегда поступать правильно. В двадцать два года я, как примерный сын, отправился в Гайю, чтобы совершить там Пинда Даан для моего покойного отца.

Отец мой в этом обряде не то что бы слишком нуждался: сразу после смерти его взяли на небеса Брахмы. Жил он там более чем хорошо, но я хотел, чтобы ему стало ещё лучше. Я надеялся, что моя молитва поможет ему обрести мокшу – ну, то есть, слиться с Изначальным Брахманом и уже не рождаться впредь ни в одном из материальных миров.

И вот я прибыл в Гайю, нашёл уединённое место над рекой Ниранджаной и приступил к совершению обряда. И – представь себе, Викрам! – почти сразу же увидел отца. Он спустился с небес и пришёл ко мне по воде – безупречный юный брахман, окружённый неземным сиянием, распространяющий вокруг себя приятную прохладу и аромат жасмина. Я поклонился и протянул ему жертвенные колобки – но тут мою спину обожгло печным жаром, с берега потянуло падалью, тяжелая рука легла мне на плечо и хриплый голос воскликнул: «Эй, пандит! Прекращай воровать мою еду! Девадатта мой сын, и он должен приносить жертвы только моему роду!»

«Ступай обратно в ад, Бхимасена, – возразил ему юный брахман. – Ибо сказано в Шастре: «Всё, что выращено на поле, принадлежит хозяину поля». Девадатта плод моего поля, он сын моей жены, он родился в моём доме. Он должен приносить жертвы моему роду».

«Ступай обратно в рай, Картиккея! — насмешливо бросил Бхимасена. — Пока ты распевал киртаны с

небожителями, твоя вдова стала моей женой. Я прихожу в её сны и мы отлично проводим ночи – а тебя она лишь поминает по привычке в своих молитвах. Я сделал ей ребёнка – а что сделал для неё ты?»

«Разбойник способен породить только разбойника, — возразил брахман, — но Девадатта ни в чём не похож на разбойника. Он изящен, благочестив, смиренен и любезен господу. И ты утверждаешь, что это твой сын? Да ты сошёл с ума, вздорный дух! Убирайся, не порть себе карму».

«Карма у меня и без того хуже некуда, — сказал разбойник, — а на сына я всё-таки посмотрю».

И на воду вышел отвратительный призрак – грязно-коричневый, сочащийся гноем, с выклеванными глазами и сломанной шеей. Он уставился на меня пустыми глазницами, ткнул в меня пальцем и захохотал:

«Один в один как я! А ну, сынок, угости меня колобком!»

Я зажмурился и накрыл колобки своим телом. А разбойник принялся меня уговаривать:

«Угости, сынок, угости – ему-то, небось, дома каждый день насыпаешь? Так от него не убудет: он и без того уже в раю. А я, как видишь, голодный дух, от меня в мире одни неприятности. Кошмары, безумие, выкидыши, чума, холера – всё это мои дела, я не скрываю. Но ты ведь

запросто можешь избавить мир от моего зла! Просто покорми меня – и я обновлюсь, очищусь, вознесусь на небеса и перестану пакостить. Если я тебе не по нраву, то подумай о том, скольких людей ты этим спасёшь. А пандита потом покормишь, он и подождать может».

Я заколебался. Мне показалось, что призрак в чём-то прав: он действительно нуждается в моей жертве гораздо больше, чем сияющий полубог из рая Брахмы. Но моё ведическое образование мгновенно подсказало мне нужную мантру, я прочёл её двенадцать раз и очистил разум от искушения. И отвернулся от Бхимасены, как будто его и вовсе не было, и предложил колобки брахману Картикее.

Брахман улыбнулся и произнёс пять коротких слов, от которых разбойника будто ветром сдуло. И благословил меня, и ушёл в сияние, разлившееся над рекой. Я понял, что он обрёл мокшу – и уехал из Гайи с чувством выполненного долга. Я должен был бы радоваться и ликовать – но явление Бхимасены испортило мне весь праздник. Всю дорогу я думал: а не вернуться ли в Гайю? не совершить ли Пинда Даан для этого бесприютного духа? Но всё же не вернулся – решил сперва спросить совета у дедушки.

Однако дедушка не смог мне ничего посоветовать. Едва услышав про разбойника, он помрачнел, напрягся, затеребил свой брахманский шнур, а потом вдруг

схватился за сердце и завалился набок. И умер в тот же вечер, не приходя в сознание.

Я заговорил о Бхимасене с матерью. Она долго отмалчивалась и уводила разговор, но наконец расплакалась и призналась: «Да, этот разбойник был моим единственным мужчиной. Он изнасиловал меня, когда мне было шестнадцать лет. От него я забеременела и родила тебя. Но старик велел про него молчать, и всем наврал, что ты сын Картиккеи. Если бы он сказал правду, тебя не допустили бы учить Веды и служить в храме».

Пришлось мне снова срочно ехать в Гайю. Брахман, который солгал по вопросам родства, низвергается в ад вниз головой в кромешной тьме – ясное дело, я не хотел для дедушки такой судьбы. Примчался я на берег Ниранджаны – а дедушка мой, как ни в чём не бывало, спустился ко мне с небес Индры. «Я говорил людям правду и одну только правду, – заявил он, – но я не говорил неприятную правду. Ибо сказано в Шастре: «Да возглашает правду, да возглашает приятное; да избегает неприятной правды, да избегает приятной неправды». Следуя этой дхарме, я сообщил только о том, что ты сын Картиккеи, и эта правда была всем приятна. Люди пересказывали её друг другу и, обойдя город, она превратилась в чудо. И в этом тоже была своя правда. Чудеса у нас в городе случаются каждый день, а разбойники заходят раз в десять лет. Воистину, легче поверить в чудо!»

И дедушка принял мою жертву, и благословил меня, и тоже ушёл в Ясный Свет. А на другой день я всё-таки совершил Пинда Даан для Бхимасены. Я надеялся отправить страдальца подальше отсюда, в какой-нибудь из лучших миров – но не тут-то было! Сожрав мои колобки, Бхимасена раздулся примерно втрое, покрылся огненной шерстью, стал зубастым и клыкастым – в общем, из призрака превратился в демона. И захохотал, и закричал: «Спасибо тебе, сынок! На неделе в гости к тебе нагряну!» – и со свистом вылетел из святого места, как будто сам воздух вытолкнул его из себя.

Я поспешил домой, переполненный дурными предчувствиями. Они оказались не напрасными. Вернувшись, я увидел, что мёртвый разбойник уже в моём доме и всю общается с моим старшим сыном. Мать была в глубоком обмороке, жена с младшим прятались в сарае. Я велел демону убираться и впредь держаться от нас подальше. «Встречаться с потомками – моё святое право, – возразил он. — Даже боги не в силах мне это запретить! Не бойся сынок, я не сделаю вам ничего плохого. Я, наоборот, хочу помочь вам выбраться из нищеты и стать большими людьми в этом мире».

Спорить с ним было бесполезно, и я обратился за помощью к господу Джаганнатхе. В тот же день Бхимасена исчез, но не бесследно. Моя мать не выдержала потрясения и вскоре умерла, а старшего сына с тех пор как будто подменили. Он совсем отбился от рук: стал

прогуливать уроки, шлялся целыми днями у моря, якшался с рыбацкими детьми и даже ел рыбу! Вскоре я заметил, что он сделал себе лук и стрелы. Я сразу сообразил, откуда ветер дует. Вызвал его на разговор: и точно! После рассказов Бхимасены он возненавидел брахманскую жизнь и захотел стать вожаком разбойников.

Ему было всего десять лет, и я не стал его наказывать. Я лишь напомнил ему, что разбойник больше похож на животное, чем на человека. Он скитается в лесах, спит на земле, ест что попало, и никто не пустит его на порог – никто не любит разбойников. Брахман же приятен людям и богам, приютить и накормить его каждый почитает за честь... ну, и всё такое прочее. На другой день сын сбежал из дома – должно быть, решил проверить, каково оно жить в лесу и спать на земле. А в лесу его задрал тигр, и мне пришлось долго молиться, чтобы вытащить его из мира голодных духов.

Отныне все мои надежды были только на Акилеша, моего младшего сына. Он в бандиты не стремился, учился хорошо и вёл себя примерно. И моя жизнь помаленьку вошла в привычную колею. Я, как и прежде, служил в храме, коллекционировал истории и рассказывал их своим домашним. Когда Акилеш женился, я поведал ему историю Бхимасены, не избегая никаких неприятных подробностей. И сын сказал «Джай Джай Джаганнатх! Как хорошо, что господь избавил нас от разбойника!»

Так я отдыхал до тех пор, пока однажды к нам не пожаловали гонцы от куттакского раджи. У них там в принцессу вселился демон, которого они никак не могли выгнать. Он смеялся надо всеми заклинателями и кричал, что победить его способен только Акилеш, сын брахмана Девадатты из Пури. Акилеш поехал с ними и одним касанием излечил принцессу. За это его щедро наградили, а вскоре позвали изгонять демона в другой княжеский дом. Он и там преуспел, и тоже получил награду. И в двенадцать лет стал популярным экзорцистом и главным кормильцем нашего семейства.

Я-то быстро догадался, какого демона изгоняет Акилеш. Попытался открыть ему глаза – но оказалось, что он узнал об этом гораздо раньше, чем я. Ему приснился старший брат и объяснил все подробности предстоящего дела. И сказал ещё, что если в дело будут вмешиваться какие-то другие демоны, Бхимасена сам с ними разберётся. Все обязанности Акилеша – возлагать руки на одержимых и получать подарки. И теперь у него до самой смерти не будет никаких других забот.

Мне это предприятие показалось очень сомнительным, а пуще всего не нравилось, что в нём замешан Бхимасена. «Не верь демону, — предупредил я сына, — он непременно тебя обманет». — «Я не верю демону, — возразил сын, — я верю господу Джаганнатхе. Господь приказал ему держаться от нас подальше – вот он и

улетает, как только меня увидит. Ты и сам бы мог изгонять его не хуже, чем я».

Я попробовал – но у меня получилось гораздо хуже. Демон улетал при моём приближении и возвращался, как только я отойду достаточно далеко. Возможно, он был сердит на меня за то, что я пожаловался Джаганнатхе. А сын мой шёл от победы к победе, и слава его росла с каждым днём. Он не загордился, не забросил учёбу – он оставался примерным сыном, разговаривал со мной и почтительно и всякий раз, когда его звали изгонять беса, спрашивал у меня благословения. И я не мог запретить ему помогать людям – меня бы возненавидели во всей округе, да и Акилеш бы меня не понял.

Со временем я стал чувствовать себя лишним в его доме. В шестнадцать лет сын уже не нуждался ни в моей помощи, ни в наставлениях, и даже мои истории слушал только из вежливости. И в храме меня уже величали не «чудесно рождённым Девадаттой», а «отцом могучего Акилеша». В общем, когда у него родился сын, я объявил, что семейный этап моей жизни закончен – и отправился в долгое паломничество по святым местам.

Было мне тогда около сорока лет, и поначалу мне пришлось очень трудно. До Гайи моё тело ещё кое-как доскрипело, а дальше пошло вразнос. В Варанаси я приплёлся полумёртвый: ноги отказывали, сердце еле билось, желудок горел огнём. В довершение всех бед, у

меня разыгрался чудовищный понос. Мои попутчики испугались заразы и бросили меня над Гангой, недалеко от кремационной площадки. И там я скоропостижно умер, даже помолиться не успел. Местные жители собирали мне на похороны, наташили преизрядную кучу дров - но они мне не понадобились. Через четверо суток я ожил, и дрова унесли к какому-то другому покойнику.

Я смотрел, как его жгут, и тихо радовался, что горю не я. После смерти мне очень захотелось жить – не где-то в будущем на небесах Брахмы, а прямо здесь и сейчас, в этом родном и уютном теле. И напрочь захотелось терпеть какие бы то ни было неудобства ради спасения своей души. Я понял, что она не имеет со мной ничего общего. Она гостит во мне, а потом уйдёт к кому-нибудь другому и даже имя моё забудет напрочь. А все мои знания, умения, воспоминания – то есть, всё, из чего я состою – погибнут вместе с телом и больше никогда не возродятся! Так какая мне разница, куда полетит после этого моя бессмертная душа и в кого она воплотится? Меня-то при ней уже не будет, меня вообще нигде не будет! И все посмертные кармические проблемы – это уже чисто её проблемы. Как хочет, так пускай и выкручивается!

И я проникся безмерной любовью к своему телу. Попросил у него прощения за былые обиды и пообещал, что никогда больше не буду пренебрегать его потребностями. Что оно захочет, то я буду делать, а чего не

захочет, того не буду. И до самой смерти я соблюдал этот приятный обет.

Домой я не вернулся и ни в какой храм служить не устроился. Я стал профессиональным паломником - но не аскетом, а, скорее, странствующим пандитом. Я отрастил волосы и бороду, обзавёлся внушительным посохом, и на вопрос «Кто твой бог?» отвечал всегда по-разному – в зависимости от места, где находился. В вайшнавских местах я малевал на лбу вайшнавский тилак, в шиваитских – шиваитский, и про любого бога мог рассказать больше, чем знали самые верные его поклонники – я ведь был очень начитанным и наслуханным по божественным темам. Подавали мне охотно и щедро, часто звали совершать обряды и приглашали на кормления брахманов. Голос у меня был красивый, женщины просто млели. Сезон дождей я обычно переживал у какой-нибудь благочестивой купеческой вдовы, и мне всегда удавалось убедить женщину в том, что подарить любовь божьему страннику – это не грех, а большая крамическая заслуга.

Девадаттой я уже не назывался – теперь меня звали Шри Бетал. «Беталом» на востоке называют ветапу (живого мертвеца). Такую кличку мне дали ещё в вара-насском ашраме, где я отлёживался и отъедался после смерти – а я подхватил её и превратил в легенду. Люди спрашивали: «Откуда такое странное имя?», и я рассказывал им о своём чудесном воскресении. Конечно,

правду я им не раскрывал – я говорил, что посетил все четырнадцать миров, и подробно описывал каждый из них. После этого слушатели проникались глубоким уважением и даже начинали подозревать во мне сверхъестественные способности. И мой авторитет сразу вырастал до небес.

Пешком я больше не ходил, передвигался с караванами или на кораблях. Объездил всю Индию, и в родном городе тоже бывал проездом. Там меня уже не узнавали даже по голосу. У земляков я выяснил, что моя семья считает Девадатту умершим – ну что же, в некотором смысле он действительно умер. Акилеш вскоре после моей смерти перебрался в Куттак и мать туда перевёз. Он стал придворным жрецом куттакского раджи, и жилось ему, должно быть, очень неплохо. Я от души за него порадовался, но навещать его не стал.

Путешествия бодрили моё тело и шли ему на пользу, но лет после семидесяти оно внятно сказало «Хватит!», и я к нему прислушался. Я сел на корабль и поплыл в Варанаси. Там жила одна странноприимная вдовушка, у которой я рассчитывал дожить остаток своих дней.

В пути нас застигла буря. Меня смыло за борт, я камнем пошёл ко дну. Наглотался воды, почувствовал, что душа моя вот-вот погаснет – и из последних сил рванулся наверх. Вынырнул и закричал: «Спаси меня, господи Джаганнатха!» И тут что-то выдернуло меня из воды и подняло над волнами!

Я повис над рекой – и замер в изумлении. Я был как будто посреди широкого рынка, только вместо людей там толпились духи, демоны, предки, полубоги, неопределившиеся души вроде меня и много чего ещё. Двигались они во все стороны сразу, но меня как-то мягко обтекали. А кругом был виден простор без горизонтов, ближе ко мне голубоватый, дальше синий, а ещё дальше чёрный, и где-то в черноте плавали сияющие диски иных миров. А моё тело лежало на дне Ганги, и я тоже это видел – вода вдруг стала прозрачной как воздух. Тело было мертвее мёртвого, сомневаться не приходилось.

Но я-то не умер! Наоборот, я чувствовал себя живее чем обычно – как будто заново на свет родился! Это открытие повергло меня в ужас: ведь последние тридцать лет я нимало не заботился о своей посмертной судьбе. Я только и делал, что удовлетворял желания своего тела – наверняка это не лучшим образом сказалось на моей карме! И я принялся вспоминать, много ли успел нагрешить за эти годы – а тем временем меня обступило множество мелких духов, и все они наперебой предлагали проводить меня в «лучший из миров». Я отгонял их и ждал, когда же за мной придут слуги господ Ямы. Но они всё не появлялись, и тогда я решился действовать на своё усмотрение. Помолившись ещё раз Джаганнатхе, я устремился к ближайшему из сияющих дисков. Лететь оказалось неожиданно трудно, холодно и далеко – но я всё летел и летел, ободряя себя тем, что теперь у меня впереди целая вечность, когда-нибудь, да и долечу.

Внезапно мой путь преградила огромная толпа вооружённых демонов. Самый крупный из них показался мне знакомым – ну да, это был Бхимасена! Размахивая кнутом, он закричал:

«Эй, куда разогнался? В райские миры захотел? А ну брысь к голодным духам, вдовий приживала! Там твоё место!»

Я сделал вид, что не узнал его, и ответил как можно более властно:

«Уйди с моей дороги, демон! Не тебе решать, куда мне сейчас направиться! Если кто-то и вправе меня судить, то это только Яма, повелитель мёртвых!»

«Судить тебя буду я! — воскликнул демон. — Я твой отец, а ты мой непочтительный сын. Ты не кормил меня досыта, ты выгнал меня из дома, ты не давал мне видеться с внуками – так вот тебе! получай по заслугам!»

И он ударил меня кнутом – да так, что я чуть вдребезги не разлетелся от боли. «Бхимасена, ты несправедлив ко мне! — вскричал я, глотая слёзы. — Ты забыл про мой Пинда Даан?»

«Эту щепотку риса? — презрительно бросил разбойник. — Нет, сынок, этого было мало. Ты отлично знаешь, что должен был выполнить четырёхдневный ритуал с посещением всех святынь и кормлением брахманов. Внук мой Акилеш, хвала ему и слава, сделал это для меня – и я

стал тысяченачальником в армии Бхутешвары! Плевать мне на твою милостыню, убирайся в ад!»

И стая демонов погнала меня, как зайца, в сторону адских миров, зловеще мерцавших в тёмном пространстве под земным диском. Я всё-таки ухитрился свернуть к Земле и полетел, петляя, над самой её поверхностью. Но демоны от меня не отстали: они рассыпались в цепь и, размахивая оружием, вытесняли меня с родной планеты. В поисках укрытия я залетел в какой-то лес, там заметил тело, висевшее на дереве вниз головой, и быстренько в нём запрятался.

Демоны кинулись прочёсывать лес и вскоре меня учуяли. Но тело оказалось неуязвимым для их бичей и копий. Бхимасена расสวิрепел и заорал:

«Вылезай немедленно, трусливый ублюдок! Не то я сам сейчас к тебе влезу и за уши тебя вытащу!»

«И кто это ругается в моём лесу?» — слышался вдруг насмешливый голос, исходивший как будто от самой земли. Демоны почтительно расступились. Бхимасена, сунув свой кнут за пояс, поклонился низенькому толстому якше, который уверенно подошёл к дереву и встал прямо подо мной.

«Привет, бхута! — сказал якша. — Тебя прислал сюда Бхутешвара?»

«Нет, я сам прилетел», — запинаясь, ответил Бхимасена.

«Ну так сам и улетай, пока я не рассердился, — велел ему якша. — И бойцов своих забирай, и впредь без божьего веления здесь не появляйся».

Бхимасена пробормотал извинения, и все демоны разом покинули лес. А якша промолвил ободряюще:

«Привет и тебе, пандит-джи! Я Сильварадж, хранитель этого леса. Назови мне своё имя и поведай, что привело тебя сюда».

И я назвал ему свои имена и поведал историю своей жизни. Она оказалась неожиданно длинной, но якша выслушал её от начала до конца с живейшим интересом. Он задавал мне вопросы, он комментировал её, иногда смеялся в самых неожиданных местах – а вместе с ним смеялись и другие якши, которых к концу моего рассказа собралась уже большая толпа. Когда я закончил, они принялись шумно обсуждать услышанное и решать, что же делать со мной дальше. Наконец Сильварадж вынес свой вердикт:

«Бхимасена проявил самоуправство: он не должен был задерживать тебя и уж тем более загонять в ад. Но и райские миры пока что не для тебя. Полжизни ты накапливал заслуги, полжизни их растрачивал - и ухитрился умереть именно в тот момент, когда твои грехи уравнивали заслуги. Теперь у тебя нулевая карма, и сам Яма не разберётся, куда тебя послать. Лететь к нему на суд я не советую: сложные задачи его раздражают, а в гневе он часто забывает о справедливости. По-моему,

тебе вообще не стоит никуда лететь, пока твоя карма куда-нибудь не сдвинется. Оставайся в этом теле, в нём давно уже никто не живёт. Его хозяин восемь лет назад ушёл к Шиве, и с тех пор о нём ничего не слышно. И расскажи нам ещё что-нибудь: нам понравилось, как ты рассказываешь».

И я рассказал ещё одну историю, а потом ещё и ещё. И все последующие годы только этим и занимался. Тело оказалось тёплым и удобным, якши кормили меня и сами приносили мне истории, которые я им же потом и пересказывал, изменив до неузнаваемости. И я жил беспечно и нескучно, и жил бы так до сих пор, если бы не твой Виджай.

Однажды утром это злобный старикан пришёл сюда, влез на ветку и попытался отвязать верёвку. Я закричал, и тут же к дереву сбежались все якши, какие были в лесу. Явился и Сильварадж.

«Привет, похититель трупов! — крикнул он Виджаю. — Зачем тебе это тело?»

«Не твоё дело, леший! — раздражённо ответил Виджай. — Это моё тело, и я сделаю с ним всё, что захочу!»

Сильварадж протянул руку, сделавшуюся вдруг неимоверно длинной, и снял старика с ветки.

«Говоришь, оно твоё? — спросил он. — А сам-то ты кто такой будешь?»

«Брось притворяться, Сильварадж, — ответил Виджай. — Ты отлично знаешь, кто я такой».

«Теряюсь в догадках, — ответил Сильварадж. — А ты-то сам это знаешь?»

Старик взглянул ему в глаза – и Сильвараджа затрясло, как будто от лихорадки. Низким голосом, медленно и грозно, старик произнёс:

«Я Виджай, великий йогин, могуществом превзошедший всех, кто были до меня и будут после меня. Сами боги трепещут передо мной и умоляют не разрушать этот мир! Без малого сто лет просидел я под этим деревом, каждая тварь в этом лесу знает меня! Не шути надо мной, презренный карлик, не то я...» –

но тут прелестная якшиня (а женщины у них все как на подбор красавицы и умницы) подошла к Виджаю сзади и закрыла ему глаза ладонками. Сильварадж тут же перестал трястись, а вымогателя обступили четверо здоровенных якшей, каждый в полтора человеческих роста. Он оказался наглухо зажат между их животами. Сильварадж отдышался, сплюнул и сказал:

«Нет, старик, ты не Виджай. Шри Виджая я хорошо знал и могу засвидетельствовать: он не был грубияном и не хвастал почём зря своим могуществом. Не мог человек так измениться за каких-то там двенадцать лет! Да ты и внешне на него не похож, и голос у тебя другой... Эй, парни! возьмите этого самозванца и вынесите из моих

владений! И ни под каким предлогом больше его сюда не пускайте!»

И вдруг все четверо якшей разлетелись в стороны, как пух от дуновения ветра. Мой тамаринд затрясся, ветка затрещала – но на старика накинули какую-то специальную сеть, которую он уже не мог порвать, как ни пытался. Его поволокли из леса; он упирался и кричал: «Я Виджай! Сильварадж, отдай мне моё тело! Или я пришлю за ним Викрама Адитью!»

Ответом ему был дружный смех, не утихавший и после того как скандалиста утащили за пределы видимости. Не смеялся только Сильварадж. Когда все разошлись, он сказал мне:

«К сожалению, это действительно Виджай, и он на самом деле раньше обитал в этом теле. Я узнал его, хоть он и сильно изменился. И если он не соврал насчёт Викрама, тебе придётся менять место жительства. С уджайнскими царями у нас договор: им позволено брать из этого леса всё, кроме деревьев. Правда, делать это они должны молча, в противном случае они теряют право на свою добычу. Но это условие не такое уж трудное, Викрам вполне способен помолчать часок-другой».

И опасения Сильвараджа подтвердились: Виджай всё-таки нашёл способ вовлечь тебя в это дело. Но и я, как видишь, нашёл способ заставить тебя говорить. И раз за разом ты теряешь право выносить меня из леса;

а рядом с нами всё это время идут якши. Ты их не видишь и не слышишь, но они здесь и ждут моего сигнала. Как только я скажу «Я свободен!», они подхватят меня и унесут обратно на дерево. А кстати, не слишком ли долго мы идём? Лес уже почти кончился, я досказал свою историю – значит, мне пора домой. Заговорил-то ты ещё в самом начале, и я давным-давно сво...

Тут Викрам остановился как вкопанный.

— Погоди, Бетал! — воскликнул он. — Позволь задать тебе несколько вопросов.

— Задавай, чего уж там, — согласился Бетал. — Только давай присядем, а то ведь за расспросами ты меня из лесу вынесешь. А там Виджай, а мне к нему никак нельзя.

И Викрам усадил покойника под деревом, а сам сел напротив. И якши тоже присели рядышком, невидные и неслышные, но готовые в любой момент вернуть Бетала на тамаринд.

Как Викрам вывел Бетала из леса

— Скажи мне, Бетал: сознаёшь ли ты, что, оставаясь в этом теле, ты портишь свою карму? — спросил Викрам.

— Ничего подобного! — заявил Бетал. — Пока я тут зависаю, я ничем её не испорчу. Я попросту не могу сделать ничего дурного: мне нечем грешить, да и незачем.

— Но ты самовольно захватил это тело и отказываешься возвращать его. Это ли не грех? — спросил Викрам.

— Не «захватил», а временно поселился. И не «отказываюсь возвращать», а охраняю и защищаю это прекрасное тело. На моей памяти его уже девять раз пытались похитить – но мы с якшами всегда начеку! И мы не отдадим его никому, кроме его законного владельца!

— А не лукавишь ли ты, Бетал? — спросил Викрам.
— Ты ведь превосходно знаешь, что Виджай когда-то обитал в этом теле. Так кто же, по-твоему, его законный владелец, если не Виджай?

— Да кто угодно! — ответил Бетал. — За двенадцать лет Виджай мог его и проиграть, и продать, и заложить, и десять раз на новое поменять. Да, я верю, что оно принадлежало ему когда-то — но где доказательства, что оно принадлежит ему сейчас?

— Это всё пустые отговорки, — поморщился Викрам.
— Любой судья признает тебя виновным в краже. Во-первых, ты без спросу вломился в чужое тело, не важно чьё...

— Судить меня может только Яма, Повелитель Мёртвых, — напомнил Бетал. — Если бы я совершил хоть что-то, похожее на кражу, его шпионы моментально заметили бы меня и потащили на суд. Они повсюду, Викрамушка, ни один грех от них не укроется. Меня же они не видят в упор — а почему? А потому что карма у меня всё ещё на нуле. Я ни в чём не виноват, это же очевидно.

Викрам вздохнул и задумался.

— Да, Бетал, возможно, ты и не вор, — сказал он наконец. — Но кармой своей не хвались, не надолго она у тебя нулевая. Скоро ты станешь убийцей и предстанешь перед судом Повелителя Мёртвых. И пойдёшь в ад на тысячу лет, а потом ещё десять раз будешь рождаться в телах животных и неприкасаемых. Готов ли ты на это, Бетал?

Бетал несказанно удивился:

— Шутишь, Викрам Адитья? Ну и кого же я тут убью?
Уж не Виджая ли?

— Ты убьёшь меня, — ответил Викрам. — Сейчас ты улетишь на свой тамаринд, а я отвяжу тебя и снова понесу к Виджаю. И ты снова задашь мне вопрос и пригроишь смертью — но на этот раз я ни слова тебе не отвечу! Разрывай мою голову, кипяти мою кровь, останавливай моё сердце — я буду молчать и идти, пока не упаду. Помнишь, ты рассказывал мне про брахмана из Джайсалмера? Я такой же точно: мне лучше умереть, чем не выполнить своё обещание!

И в лесу внезапно воцарилась оглушительная тишина, как будто даже листья шелестеть перестали. Замолчал и Бетал, и промолвил грустно после долгого раздумья:

— Вот тут-то я и попался! Теперь я просто вынужден раскрыть тебе мой самый хитрый секрет. На самом-то деле, я вообще не способен убить человека — силёнок моих скромных на это не хватит! Я могу тебя только попугать и помучить, но теперь я вижу, что это бесполезно. Ты готов к мучениям, ты готов даже умереть — и, между прочим, ты запросто можешь умереть, если ты уже на это настроился. Но мне это не нужно, и никому здесь это не нужно. Всё, что я хотел — это отвисеться ещё лет пятьдесят, пока Бхимасена про меня забудет. Но, видать, не судьба...

И Бетал встал — неловко и кособоко, но вполне самостоятельно.

И поклонился Викраму, и сказал:

— Живи сто лет, Викрам Адитья! Продолжать наши прогулки больше не имеет смысла. Всё что мне теперь остаётся – это молить тебя о снисхождении. Войди в моё положение: у меня ведь, кроме этого тела, ничего больше нет. А без тела холодно, ты не представляешь как. И постоянно хочется есть, и заснуть невозможно – за неделю можно с ума сойти! А ещё и Бхимасена – он ведь недавно опять пролетал поблизости... и кричал, что глаз с меня не спускает...

— Пойдём к Виджаю, Бетал, — предложил Викрам. — Расскажи ему обо всём – он духовный человек, он должен проявить милосердие. И я тоже буду просить за тебя как за своего родственника. А если мы не сможем его уговорить, я совершу для тебя Пинда Даан, и тем поправлю твою карму. Уджайн ведь тоже святое место, такое же сильное, как Гайя.

— А и пойдём, — согласился Бетал. — Не слишком-то мне верится, что Виджай поддастся на уговоры - но попытаться всё-таки стоит. А вдруг и в самом деле что-нибудь получится?

И тут из темноты возник Сильварадж.

— Привет, царь! — сказал он Викраму. — Поздравляю с победой! Но с Виджаем будь поосторожнее: не такой уж он духовный, как тебе кажется. Недобрый он последнее время, и очень несдержанный. И, по-моему, замышляет

что-то нехорошее. Отнеси ему этот труп и постарайся уйти поскорее, вот тебе мой совет.

А ты, Бетал, вообще не ходи к Виджаю. Оставайся в лесу, здесь мы тебя и накормим, и обогреем, и с воплощением поможем. Посадим тебя в утробу, посидишь там девять месяцев и родишься одним из нас. Уверю тебя, это гораздо интереснее, чем родиться человеком. Я тебе не раз уже это предлагал, ты не раз отказывался, но теперь у тебя просто нет другого выхода. Виджай не отдаст тебе это тело, как ты его ни проси».

— Прости, Сильварадж, но я всё-таки пойду попробую, — возразил Бетал. — Не тело мне дорого – дорога моя память. Сейчас я знаю десять тысяч историй, а когда вылезу из утробы, не смогу вспомнить ни одной. Ну и какой с меня будет прок? А на переговоры с Виджаем я иду не один: со мной Викрам Адитья, великий мастер убеждать людей. Представляешь, Сильварадж: он только что уговорил меня выйти из леса! Это невероятно, но он это сделал!

— Ладно, поступай как знаешь, — сказал Сильварадж. — Но возвращайся немедленно, как только заметишь опасность. Виджай во многих смыслах пострашнее Бхимасены.

— Вернусь немедленно, — пообещал Бетал. — Раньше, чем вы успеете соскучиться.

И обернулся к Викраму, и улыбнулся. Трудно было не улыбнуться.

Царь царей Викрам Адитья застыл с полураскрытым ртом, уставившись на Сильвараджа. Впервые в жизни он увидел живого якшу! В принципе, они похожи на людей, но не настолько, чтобы перепутать. Сильварадж, например, ростом был с шестилетнего ребёнка, а шириной со взрослого дядьку. И лицо у него было тоже взрослой ширины, с большими усами и крупными ушами, а в ушах висели золотые серьги до плеч, а на голове тюрбан с золотым шитьём, а на шее золотая цепь с бриллиантами, руки по локоть в золоте, ноги по колено в золоте, и само его тело светилось золотым сиянием, позволяя разглядеть себя даже в темноте. Только глаза у него были медного цвета.

Сильварадж тоже обернулся к Викраму и заметил его состояние.

— Эй, якши! — крикнул он. — Покажитесь уже все! Дайте царю людей на нас полюбоваться!

И в лесу как будто огонь запылал: это все якши разом приняли зримый облик! Огромные и карликовые, прекрасные и уродливые, но все неизменно в золоте и драгоценных камнях, причём на многих якшинях не было вообще ничего, кроме украшений. Все они кричали: «Привет, Викрам Адитья!» – и до Викрама вдруг дошло, что всё это время он был как на сцене, за каждым

его шагом следили сотни невидимых глаз. И ему вдруг стало стыдно разом за всё, что он наговорил Беталу, хотя ничего стыдного он, вроде бы, не сказал – или сказал? Но он быстро опомнился, принял царственную осанку и поприветствовал собравшихся.

Якши захлопали и закричали что-то одобрительное. А потом подхватили Викрама с Беталом на руки и торжественно донесли их до края леса. Дальше Бетал пошёл самостоятельно, слегка опираясь на плечо Викрама. Так они перешли через реку — а на другом берегу их уже дожидался Виджай.

**Как Виджай вручал Викраму
истинное сокровище**

Виджай стоял как столб, и лицо его не выражало никаких эмоций. Викрам его даже и поприветствовать не успел: расплылся Виджай в кисельное облако и влился в Бетала через ноздри. Мертвец подпрыгнул, упал, задёргался, весь переломался и затих. А Виджай вытек у него из глаз и возник на своём прежнем месте. И сказал оторопевшему царю:

— Хвала тебе, Викрам Адитья! С твоей помощью я одолел демона Гарбхаатру, пожирателя душ! Он больше не опасен; отнеси его к алтарю.

Викрам замешкался. Слишком уж резко всё переменялось: Бетал вдруг оказался демоном, а про Виджая теперь и вовсе было трудно сказать, кто он такой. Способности он продемонстрировал явно нечеловеческие.

— Как вы это сделали, учитель? — спросил Викрам напрямик.

Старик зыркнул на него так, что Викраму стало неловко за свой вопрос. Он взвалил мертвеца на плечо и отнёс его к алтарю.

Это был плоский камень, покрытый жирной грязью от множества жертвоприношений. Перед ним стояла старинная стела с изображением многорукой женщины, а рядом был сложен костёр – высокий, вроде погребального. Викрам уложил тело рядом с камнем. Виджай присел перед мертвецом, наступил ему на живот коленом, проткнул пальцами грудь и кровью нарисовал у себя на лбу жирную полосу от волос к переносице. Затем он оторвал мертвецу голову и положил её на алтарь.

— Прими эту голову, Мать – да разрушится эта голова!

Из-под костра ударила струя огня. Все поленья запылали - и стало видно, что у женщины на камне высунут язык, на шее черепа, а под ногами труп. А старик принялся рвать тело на куски, макать их в кувшин с маслом и бросать в костёр, приговаривая про разрушение всех частей тела.

Викрам уже не знал, что и думать: не вязалось это у него с образом святого человека. Впервые в жизни ему захотелось убежать – но ноги были как в землю вкопаны.

А в голове вертелись слова Сильвараджа: «Недобрый он в последнее время... и очень несдержанный...»

Между тем, старик бросил в костёр голову и обернулся к царю.

— Если у тебя есть вопросы — спрашивай! — сказал он.

— Расскажи мне об этом демоне, — попросил Викрам.

— Гарбхаатра скитался в этом мире больше тысячи лет, поглощая души нерождённых детей. Внутри себя он создал тесный ад, где души истязали друг друга; он же питался их страданиями и прибавлял себе их непрожитые годы. Он достиг такой силы, что мог бросить вызов богам; но он употребил её на то, чтобы спрятаться от всех. Он был невидим, неслышим и неосязаем, и даже боги не догадывались о его существовании.

Я был одним из ста тысяч детей, поглощённых Гарбхаатрой. Несчётное множество лет я провёл в его утробе, и только мне одному удалось вырваться оттуда во внешний мир. Родившись человеком, я положил свою жизнь на то, чтобы уничтожить демона. Я знал, что, подобно всем бесплотным духам, он мечтает о совершенной и вечной плоти – и я сделал своё тело совершенным, вечным и способным долгое время жить без души. Это оно висело на тамаринде, и именно за ним я тебя посылал.

Демон вошёл в это тело, поселился в нём и уже не смог его покинуть. И вот ты принёс его ко мне, и я вошёл

внутри и отобрал силу демона. И спалил его в живом огне, который Чёрная Мать зажигает у своего алтаря в ночь новолуния. И все души, пленённые демоном, очистились в этом огне и обретут рождение в человеческом облике. А ты, Викрам Адитья, получишь сейчас своё истинное сокровище.

— Учитель, а не могло ли случиться так, что на твою приманку польстился совсем другой бестелесный призрак – например, дух некоего брахмана из Пури? — хотел спросить, да не спросил Викрам. Он уже начинал кое о чём догадываться, но говорить было невозможно. От речей Виджая тело поплыло, челюсти ослабли, голова пошла враскачку – и только разум всё ещё не поддавался гипнозу. А старик повернулся к костру и долго шептал мантры – и вдруг сунул руку в огонь и вынул оттуда пригоршню углей. И подул на них, и они вспыхнули и сгорели дотла у него на ладони. И тогда старик опустил пальцы в пепел и что-то нарисовал на лбу у Викрама.

— Возвращайся теперь домой, — сказал он, — и отправляйся прямиком к своей младшей жене. Сегодня вы зачнёте сына, которому суждено обладать всей силой, всей красотой, всем богатством, всем знанием, всей славой и всей отрешенностью. Он унаследует твоё царство и покорит весь мир – не силой, но мудростью и щедростью. Это и будет твоё истинное сокровище, Викрам Адитья!

И Викрам увидел это воочию! И жену свою молодую, и уникального отпрыска, обладающего всеми

совершенствами. А рядом с ними увидел своих старших сыновей, одному двенадцать, другому восемь. И подумал: «Что-то здесь не так... Царство ведь должен наследовать старший сын!»

И повторил машинально:

— Но царство ведь должен наследовать... старший сын?...

— Ему не суждена долгая жизнь, — сказал Виджай, — равно как и его брату. Если ты не зачнёшь сегодня ребёнка, ты можешь умереть без наследника.

Викрама будто молнией ударило.

— От чего же они умрут? — вскричал он. — И есть ли способ их спасти?

— Не печалься о них, Викрам Адитья: они воплотятся в высших мирах. Лучше поблагодари Богиню - это она дарует тебе сокровище. Давай-ка поклонимся её святому огню и ей самой.

«Давай-ка поклонимся святому огню и господу Шиве!» – вспомнилась вдруг Викраму одна из Беталовых историй. Что-то жуткое случилось там с парнем, который кланялся огню. То ли душу он потерял, то ли тело...

— Прости, учитель, — возразил Викрам, — но это против царских обычаев. Мы, цари царей, кланяемся только родителям и учителям, но более никому.

— Это ничего, — ответил Виджай. — Поклонюсь и за тебя, Богиня не обидится.

И он простёрся перед изваянием – а Викрам тем временем вспомнил, что произошло с юным художником в стране киратов. И замысел Виджая стал для него яснее ясного: сейчас этот колдун вселится в его тело и пойдёт к его жёнам! А затем сядет на уджайнский трон и будет править Индией; а затем уничтожит всех Викрамовых наследников и вручит царство своему собственному! Нет, этому не бывать!

И, выхватив меч, Викрам снёс Виджаю голову.

Клинок проскочил как сквозь облако. Голова не отвалилась, но склонилась чуть ниже, чем обычно – и мгновенно испарилась от жара пламени! А тело Виджая превратилось в лужицу, даже одежда вся истаяла. Но через мгновение старик появился на прежнем месте в прежнем облике. И печально улыбнулся, и промолвил:

— Напрасно ты это сделал, Викрам. До сих пор я считал тебя разумным человеком – но теперь я вижу, что на твой разум полагаться нельзя. Придётся мне поуправлять тобой, чтобы ты не натворил глупостей. Усни, Викрам, и забудь обо всём, что случилось в эту ночь. Когда ты сделаешь всё, что должен сделать, я тебя разбужу.

И взглянул Викраму в глаза. Тело царя тут же одревенело – но сознание его продолжало сопротивляться

чужой воле. «Ом гам Ганапатайе намаха! Ом гам Ганапатайе намаха!» повторял он беспрестанно - и вдруг костёр вспыхнул, как будто кто-то огромный раздул его во всю мощь своих необъятных лёгких! Пламя потянулось к Виджаю и слизнуло его. Тут же мышцы Викрама налились теплом, суставы ожили, в голове прояснилось. А откуда-то справа послышался детский смех, и насмешливый голосок промолвил:

— Ты не поклонился Богине, Викрам Адитья? Неужто и мне не поклониться?

Викрам обернулся. Там был слон – вернее, некто очень большой со слоновьей головой и человеческим телом. Он весь светился, и у ног его на задних лапах сидела светящаяся мышь.

Викрам сразу узнал, кто это такой.

— Джайя Ганеша! — воскликнул он. — Слава тебе, Устранитель Препятствий!

И, склонившись, прикоснулся к стопам слонногого бога.

Как Ганеша всё разъяснил

— Скажи мне, Викрам: зачем ты отрубил голову святому человеку? — с напускной строгостью спросил Ганеша.

— Прости меня, Шри Ганапати-джи, — ответил Викрам, — но святые так себя не ведут. Он угрожал убить моих детей, он пытался вселиться в моё тело, он хотел захватить моё царство...

— Ни то, ни другое, ни третье! — возразил Ганеша. — Виджай не угрожал убить твоих детей — он всего лишь предупредил, что они не доживут до совершеннолетия. И это чистая правда: в будущем году они умрут от холеры.

— А если я отправлю их в горы на весь сезон дождей? — с надеждой спросил Викрам.

— Тогда они не заразятся и не умрут, — ответил Ганеша (и тут Викрам вздохнул с облегчением). — Но слушай дальше. Виджай не пытался вселиться в твоё тело и захватить твоё царство. Он рассчитывал, что ты сам уступишь ему трон, когда состаришься и решишь удалиться от дел. Догадываешься, что я имею в виду?

— Так вот почему он гнал меня к жене! — воскликнул Викрам. — Он хотел родиться моим наследником!

— Совершенно верно! — ответил Ганеша. — Именно этого Виджай и добивался. Сто восемь лет назад он пришёл в этот лес, сел под тамариномом и начал славить мою мать во всех её ипостасях. И пел ей гимны, не умолкая ни на мгновение, тридцать лет подряд. Мать его за это очень полюбила, а отец заревновал. И посылал Виджаю всевозможные испытания: комаров, муравьёв, обезьян, тигров, ливень, град, даже снег, — но Виджай сидел как камень и не излучал никаких чувств, кроме безграничной любви к Богине. И просидел так ещё шестьдесят шесть лет, питаясь одним лишь воздухом и солнечным светом. Даже якши не могли нарушить его медитацию, хотя старались изо всех сил.

Отцу моему это было очень не по нраву. Он велел мне выяснить, кто этот новоявленный аскет, откуда он взялся и чего боится. Я разузнал, что Виджай — торговец драгоценностями из Кашмира. Был он сказочно богат и счастливо женат, вырастил детей и решил посвятить себя

духовному служению – банальная, в общем-то, история. Я доложил об этом отцу. Он обрадовался и воскликнул: «Любой купец боится разбойников! Будь он хоть десять раз духовный, но с этим страхом ему не совладать!»

И вскоре к Виджаю нагрянули разбойники. Они требовали выдать, где спрятаны его сокровища. Виджай не обратил на них ни малейшего внимания, хотя разбойники били его, жгли калёным железом и, наконец, повесили за ноги. Вися вниз головой, он продолжал воспевать Богиню – и мать моя спустилась на Землю в образе Дурги и порубила всю банду на мясо для своего тигра. Она вынула Виджая из тела и привезла к нам домой, прямо на вершину Кайласа. И все мы, включая отца, вынуждены были оказать ему почести как великому подвижнику. Мы спросили его: «Чего ты хочешь, Шри Виджай?». И он ответил, что хочет родиться наследником Викрама Адити, царя царей индийских!

Мама была крайне разочарована столь бездуховным желанием – но она не могла отказать аскету, который без малого сто лет непрерывно её восхвалял. Она сказала: «Будь по-твоему. Принеси своё тело мне в жертву и рождайся кем захочешь».

Виджай удалился, и с тех пор уже не славил Богиню. И жертвы от него мы так и не дождались – ни через год, ни через десять лет. Всё это время его тело висело на ветке, в нём поселился какой-то бродячий дух, а Виджая

нигде не было видно. С большим трудом я разыскал его в тибетском захолустье. Он был в новом теле, сотканном из воздуха и света, и совершал зловещий ритуал, смысл которого был для меня непонятен. На меня он даже не взглянул – и лишь когда я собрался возвращаться домой, он, не оборачиваясь, бросил: «Передай Богине, что вскоре она получит свою жертву».

Разумеется, я не стал передавать матери эти дерзкие слова. В гневе она ужасна, и я стараюсь лишний раз не портить ей настроение. У меня возникло подозрение, что Виджай нас как-то изощрённо обманул – но как? И зачем? Чтобы ответить на этот вопрос, я попытался разузнать о нём побольше. Принялся расспрашивать его родственников и потомков – и обнаружил, что он вовсе не тот, за кого я его принял поначалу.

Оказалось, что Виджай не был урождённым кашмирцем. Он пришёл в Шринагар откуда-то с юга, принёс с собой мешочек драгоценных камней и сказал, что может достать ещё. Было ему в ту пору лет десять-двенадцать, не больше. Его тут же усыновил один богатый купец, а другой купец женил на своей дочери. Так Виджай был принят в касту торговцев драгоценностями – однако ни торговлей, ни семейными делами он почти не занимался. Чаще его можно было видеть в храме Дурги либо в ашраме местных йогов. Домой он являлся только ночевать, да и то не каждую ночь, а раз в три года исчезал надолго и возвращался с рубинами и алмазами – яркими как звёзды,

чистыми как слезы, без единого изъяна, размером с манговую косточку. Половину своей добычи он делил между приёмным отцом и тестем – они же заботились о том, чтобы ни сам Виджай, ни его жена и дети ни в чём не нуждались. Так он прожил лет тридцать, после чего внезапно ушёл навсегда, ни с кем не простившись и никому не открыв секрет месторождения уникальных камней.

Я полюбопытствовал взглянуть на Виджаевы камни – и увидел, что это не просто камни, а косточки плодов кальпаврикши. Такими фруктами меня кормила мама, они вкусны и очень полезны для духовного развития. У нас на Кайласе они не росли – их приносили суварны с горы Меру, из сада Индры Тысячеглазого. Сверкающие косточки мне нравились едва ли не больше, чем сами плоды – но оставлять их у себя было запрещено, все до единой нужно было непременно возвращать Индре. Как-то раз я уронил одну на Землю – так из-за этого произошёл целый переполох, три батальона бхутов целый день её искали, пока не нашли. Мама меня тогда отругала и объяснила, что семена кальпаврикши ни в коем случае не должны попадать к людям. Из них ведь можно вырастить дерево, исполняющее любые желания – а люди нынче слишком часто желают зла друг другу, нездоровых удовольствий и ниспровержения богов. Большая беда случится, если их желания начнут исполняться!

Изъяв у потомков Виджая все драгоценные косточки, я доставил их на гору Меру и сдал Индре. Похвалив меня

за бдительность, Тысячеглазый сказал, что их можно вернуть владельцам. Эти семена недозрелые, дерево желаний из них не вырастишь при всём желании. Они бесполезны, а потому совершенно безопасны.

Тут я принялся расспрашивать о Виджае: каким образом он проникал на гору Меру, и как ему удавалось выносить отсюда семена кальпаврикши, пусть и недозрелые? Индра ответил, что за последние три миллиона лет никто отсюда никаких семян не выносил. В этом он абсолютно уверен, поскольку следит за своим садом во все глаза. Ни один муравей не проползёт туда без его ведома.

«Но где же, в таком случае, Виджай их добывал?» – поинтересовался я.

И тут Тысячеглазый меня удивил. Оказывается, на Земле всё-таки сохранилась одна кальпаврикша, скрытая от людей и погружённая в глубокий сон. Плоды на ней рождаются, но не вызревают и ничьих желаний не исполняют. Возможно, Виджай каким-то образом её отыскал.

«Где же она находится?» — спросил я. В ответ Индра лишь пожал плечами: даже ему это место неизвестно. Знает о нём только тот, кто спрятал и усыпил кальпаврикшу – бхагаван Будха Зеленоликий, когда-то служивший её хранителем.

Я навестил Будху – и выяснил, что о кальпаврикше он ничего не знает и знать не может. Тайна дерева желаний

неразмножаема: стоит её единожды услышать – и ты её никогда не забудешь; но стоит о ней кому-нибудь рассказать – и она пропадёт из памяти, не оставив ни единого следа! Сбыв эту тайну своим наследникам, Зеленоликий навсегда от неё избавился и теперь наслаждается покоем на тихой Будаграхе, где нет и никогда не будет ни людей, ни кальпаврикш.

Я не удержался и спросил, чем же ему так насолили люди и кальпаврикши. Будха ответил, что, в принципе, дерево желаний – весьма полезное растение, благодаря которому праведники могут служить богам и совершенствовать свой дух, не отвлекаясь на бытовые проблемы. Беда, однако, в том, что к нему, как мухи на мёд, слетаются люди порочные, жаждущие излишеств и непотребств. Именно с такими уродами, а не с лучшей частью человечества приходится иметь дело хранителю кальпаврикши; и с каждым годом их всё больше, и коварство их становится всё изощрённее, а сила растёт день ото дня.

Промаявшись на посту хранителя десять тысяч лет, Будха, в конце концов, обнаружил, что уже не в силах противостоять натиску негодяев – и усыпил дерево желаний до тех пор, пока в мир не явится кто-нибудь столь же добродетельный, как он, но более могущественный и проницательный. Тайну дерева Будха доверил двум своим сыновьям, которые не отличались ни добродетелью, ни могуществом, ни проницательностью,

а, вдобавок, ещё и люто ненавидели друг друга. Именно в их вражде Будха и увидел залог того, что кальпаврикша не будет разбужена раньше срока. Старшему он сообщил только Тайные Приметы дерева, не объясняя, как его разбудить. Младшему же передал Пробуждающие Слова – но не рассказал, где спрятано спящее дерево. И расчёт его вполне оправдался: ни один из братьев не согласился делиться с другим своей частью тайны. С тех пор две половины разделённого знания живут на Земле, их передают из поколения в поколение – но вместе они пока не сошлись. А дерево желаний спит спокойно, и сон его никто не тревожит.

Я поведал ему о Виджае – но моё сообщение ничуть не обеспокоило Зеленоликого. Он заявил, что повода для тревоги здесь нет. Кем бы ни был этот Виджай, он либо не знает Пробуждающих Слов – либо знает, но способен воздержаться от их применения. В первом случае, он не представляет опасности; во втором случае, он настолько безупречен, что вполне достоин стать новым хранителем кальпаврикши.

Рассказ Будхи многое для меня прояснил, но к решению загадки Виджая ничуть не приблизил. И я отправился к тем потомкам Зеленоликого, которые должны были унаследовать знание о приметах кальпаврикши. Я рассудил, что Виджай мог узнать тайну дерева либо от них, либо от кого-то, кто узнал её от них. И, как оказалось впоследствии, ничуть не ошибся.

Как ты, наверное, знаешь, от старшего сына Будхи произошёл брахманский род Чандравешья, обитающий в Уджайне с незапамятных времён. Спустившись к ним во двор, я навестил их праотца – Шри Рамануджана, который давно уже покинул человеческое тело и обитает в домашнем храме, выстроенном специально для него. Каково же было моё удивление, когда передо мной предстал типичный голодный дух – с широкой пастью, огромным брюхом и невероятно тонкой шеей, через которую едва проходит жертвенная пища. Он был адски злобен и даже со мной беседовал безо всякого почтения, хотя ясно видел и признавал, кто я такой.

Попытавшись выяснить причины его плачевного состояния, я получил ответ, что это не моё дело; когда же я завёл речь о Тайных Приметах – он разъярился и сказал, чтобы я проваливал к себе на Кайлас. Видя, что беседа у нас не клеится, я уже безо всякой надежды спросил: «Возможно ли, чтобы кто-то нашёл кальпаврикшу случайно, не зная её Тайных Примет?»

Взглянув на меня с презрением, Рамануджан заявил, что для такой большой головы у меня явно маловато мозгов. Как может непосвящённый найти то, что спрятал сам хитроумный Шри Буддхадев? Не зная Примет, никто не отличит дерево желаний от обычного баньяна, каких в округе не меньше сотни. Пропой под ним Гаятри хоть сто восемь раз, хоть тысячу восемь – всё равно ничего не добьёшься. Плод появится в глубине ветвей, невидимый

за зелёной листвой, повисит немного – и вскоре исчезнет. Чтобы его разглядеть, надо на рассвете встать в строго определённом месте и посмотреть сквозь крону на солнце, иначе никак.

В ответ я сообщил Рамануджану, что он ошибается: я знаком с одним непосвящённым, который нашёл кальпаврикшу чисто случайно и разбогател, продавая косточки её плодов. Сказав это, я отвернулся, как бы собираясь уходить – но Рамануджан остановил меня. Срывающимся голосом попросив прощения за дерзкие речи, спросил он: «Шри Ганапати-джи, не затруднит ли тебя сказать, как зовут этого человека?»

Я назвал имя Виджая – и Шри Рамануджан на моих глазах вдруг раскалился добела, как шаровая молния! И, уже не сдерживая гнева, закричал: «Так я и знал! Этот ублюдок похитил нашу тайну! Жаль, что я его в колыбели не задушил!»

Я подождал, пока он извергнет из себя весь запас проклятий, а потом снова приступил к расспросам. И постепенно разузнал, что Чандравешьи процветали много тысяч лет, питаясь плодами спящей кальпаврикши и сбывая их драгоценные косточки. Если бы дерево желаний пробудилось, они навсегда лишились бы источника своих доходов – потому-то они и были самыми ревностными хранителями его покоя. Потомки младшего сына Будхи – цари из Лунной Династии, владевшие

Пробуждающими Словами – не раз предлагали Чандравешьям объединиться и разбудить кальпаврикшу, но неизменно получали отказ. И принудить брахманов к послушанию они никак не могли: столь высокородных членов высшего сословия даже выпороть нельзя.

Но однажды сложилась ситуация, когда отказать Лунной Династии было невозможно. Произошло это вскоре после битвы при Курукшетре. О Тайных Приметах тогда просил, при всём народе, сам праведный царь Юдхиштхира, желавший с помощью кальпаврикши поскорее восстановить урон, нанесённый войной. Явившись к Чандравешьям пешком, босиком, в простых белых одеждах, без царских регалий и украшений, великий государь и народный герой умолял их открыть тайну и стать благодетелями всей Индии. Однако Рамануджан предпочёл стать благодетелем собственного рода. Тяжело вздохнув, он поклялся своей правдивостью, что Чандравешьи давно позабыли, как найти дерево желаний. Юдхиштхира не усомнился в его словах, поскольку был уверен, что брахман никогда не лжёт – а Рамануджан Чандравешья после смерти превратился в голодного духа, как и положено брахману, давшему ложную клятву.

Ценой такой страшной жертвы Рамануджан продлил процветание своего рода на целых три тысячелетия. Но полтораста лет назад благополучию Чандравешьев всё же пришёл конец. Собравшись однажды идти к кальпаврикше за драгоценными плодами, Бхактивинод

Чандравешья вдруг обнаружил, что не может вспомнить, куда должен идти. Целый год бродил он по окрестностям Уджайна, распевал Гаятри под разными баньянами, смотрел сквозь их кроны на солнце с разных сторон – но всё было напрасно. Рамануджан его чуть с ума не свёл, допытываясь, кому он рассказал о Тайных Приметах; Бхактивинод же клялся и божился, что не сообщал о них ни одной живой душе. В конце концов, Рамануджан решил, что без вмешательства богов здесь не обошлось – но теперь выяснилось, что боги совсем ни при чём! Бхактивинод выдал великую тайну сопляку Виджая, внебрачному сыну служанки, жившей в доме Чандравешьев! Неудивительно, что Рамануджан так ярился теперь и на Бхактивинода, и на Виджая, и на злую судьбу, которая сделала его жертву бессмысленной!

Покинув негодующего духа, я отправился искать Виджая. Нашёл его уже не в Тибете, а здесь – прямо вот под этим баньяном – и спросил напрямик, каким образом ему удалось выведать у Чандравешьи тайну дерева желаний.

Виджай, не таясь, рассказал, как было дело. Когда-то давным-давно, будучи ещё ребёнком, он повстречал на улице незнакомца, который назвал его по имени и спросил, не хочет ли он послужить государю и заработать целую рупию. Как выяснилось позднее, это был шпион уджайнского царя, решившего проверить, действительно ли Чандравешьи утратили знание о Тайных Приметах.

Но в тот момент Виджая вовсе не интересовало, кто он такой - важнее было деньги заработать. Для этого требовалось всего лишь пробраться в спальню к дедушке Виноду, взять его, спящего, за мизинец и спросить: «Как найти кальпаврикшу?» – а на другой день встретиться с незнакомцем на этом же месте в это же время и пересказать ему всё, что дедушка Винод наболтает.

Выполняя задание, Виджай услышал про необыкновенный фрукт, который вырастает на баньяне от звуков Гаятри-мантры. Фрукты Виджай любил, Гаятри знал. Поэтому на рассвете он рысью помчался к тому баньяну. Встал на указанное место, пропел мантру, влез на дерево, сорвал плод, тут же его съел – и едва не свалился с ветки от нахлынувших чувств и знаний! Он вспомнил все свои предыдущие жизни: о чём он тогда мечтал, в чём клялся и каким делом намеревался заняться в нынешнем воплощении! Впечатление было настолько мощным, что Виджай даже не сразу заметил драгоценный камень, который был во фрукте вместо косточки.

Отдышавшись и обдумавшись, он сообразил, что возвращаться к Чандравешьям теперь ни к чему - и уж, тем более, незачем бежать к незнакомцу за рупией. Тайные приметы кальпаврикши Виджаю и самому пригодятся! Пока солнце всходило, он успел спеть Гаятри ещё несколько раз – и сорвал ещё несколько волшебных плодов; а потом отправился в близлежащий лес, построил там шалаш и в нём поселился.

С тех пор он навещал кальпаврикшу каждое утро. Плоды её отлично утоляли голод и жажду, а косточки Виджай прятал в шалаше под травяной подстилкой. Так продолжалось целую неделю – а потом Виджай заметил, что возле дерева шляется тот самый незнакомый дядька, который обещал ему рупию, и внимательно разглядывает его следы. Сообразив, что его ищут явно не для того, чтобы вручить деньги, Виджай увязал все драгоценные косточки в узелок и в тот же день устремился на север. Шёл, не отдыхая ни дня, пока не добрался до Шринагара – и только там почувствовал себя в безопасности. Здесь он вступил в касту торговцев драгоценностями – ну, а дальнейшее тебе уже известно.

Поблагодарив Виджая за интересный и содержательный рассказ, я осведомился, что он намерен делать дальше. Виджай ответил, что собирается завершить одно предприятие, говорить о котором вслух пока не следует, чтобы его не расстроить. Затем он принесёт себя в жертву Богине и возродится сыном царя царей индийских, сохранив память обо всём, что узнал в нынешнем рождении. В том числе, разумеется, и о Тайных Приметах кальпаврикши. Хоть именно этого он и не сказал, но догадаться было нетрудно.

— Так вот зачем он хотел родиться моим наследником! — воскликнул Викрам. — Не царство моё ему было нужно, а Пробуждающие Слова, которые хранятся в нашем роду! Объединив две половины разделённого

знания, он стал бы не просто царём царей. Он стал бы бхагаваном - хранителем дерева, исполняющего любые желания! Джай Ганеша! Только благодаря тебе он не достиг того, чего хотел!

— Виджай достиг того, чего хотел, — возразил Ганеша. — Он жив, здоров, очищен от всего дурного – и он имеет полное право поселиться в теле твоего ребёнка. Но он уже ничего не хочет: все его желания только что сгорели в огне. И будет он делать только то, что предначертано судьбой, не больше и не меньше. Если ему не суждено родиться твоим сыном, то он найдёт себе другое воплощение; ну, а если суждено – значит, так тому и быть.

— И если ему суждено разбудить кальпаврикшу – значит, он её разбудит... — задумчиво произнёс Викрам. — И станет идеальным бхагаваном, свободным от желаний... И, пожалуй, даже завоюет весь мир... «Мудростью и щедростью», как он говорил... Ну что ж, возможно, это и будет то истинное сокровище, которое он мне обещал...

— А может быть, её суждено разбудить тебе? — спросил Ганеша. — Ты ведь уже догадался, где это дерево?

— Догадался, — ответил Викрам, — но проверять не стану. Если мне суждено об этом узнать, я об этом узнаю – верно, Шри Ганапати-джи?

— Ты богоподобен, Викрам Адитья! — воскликнул Ганеша. — Но я вижу, что ты не очень-то рад подарку Виджая. Да, странноватый подарок, что и говорить... Ну, да ничего! Сейчас я вручу тебе свой подарок!

Ганеша коснулся хоботом головы Викрама – и внутри черепа тут же воцарилась хрустальная ясность, а в мышцах – детская бодрость, всю муть и усталость как будто сняло! И Викрам ещё раз поклонился Ганеше – а бог оседлал свою мышь и сказал на прощание.

— Будь счастлив, Викрам! Эта ясность и эта бодрость останутся с тобой навсегда! Суди мудро, дари щедро, почитай брахманов, не забывай о нас.

— Погоди, Шри Ганапати-джи! — воскликнул Викрам.
— Скажи мне: что случилось с Беталом?

— Кто такой Бетал? — спросил Ганеша.

— Бездомный дух, который поселился в теле Виджая, — пояснил Викрам.

— Когда тело приносили в жертву, от огня разлетались тысячи духов. Который из них был Беталом? Впрочем, не волнуйся о нём: душа бессмертна. И случится с ней, то чему суждено случиться, и в конце пути она обретёт мокшу.

Сказав это, Ганеша растворился в предрассветном воздухе. А Викрам поспешил к жене. Чувствовал он себя так, как будто проснулся и сразу взлетел. Душа была переполнена безграничной благодарностью всем на свете: богам, родителям, людям, деревьям, небу, воздуху – и даже вредному Беталу, который доставил ему столько хлопот. И Викрам был бы абсолютно счастлив, если бы не всплывала у него то и дело одна неудобная мысль: «Как же так? Я ведь обещал Беталу защиту – и я не защитил его!»

Придя домой, он первым делом совершил Пинда Даан для Бетала. И поминал его потом всякий раз, когда приносил жертвы предкам – но дух ни разу не явился ему даже во сне. Обо всех событиях той беспокойной ночи Викрам поведал летописцу, не забыв пересказать и Беталовы истории – он ведь запомнил их все до единой!

А через двенадцать лет Викрам узнал о том, как сложилась дальнейшая судьба Бетала.

Что случилось с Беталом

Н а самом деле, ничего страшного с Беталом не случилось. Виджай его не проклял, не обругал и даже не напугал. Едва проникнув в своё тело, йогин заявил: «Не суетись, Девадатта, я не причиню тебе вреда. Мне нужен тот, кто внутри тебя». И тут же некая неодолимая сила Бетала вывернула, вытряхнула и через левую ноздрю наружу выдула. В одно мгновение.

Бетал перелетел через всё кладбище, ударился об алтарь Богини, отдышался и огляделся. Тело уже валялось на земле, изломанное и скомканное: с первого взгляда было ясно, что для жизни оно совсем непригодно. Можно было уже возвращаться в лес – но Бетал решил задержаться на кладбище. Ему было крайне любопытно, что за сокровище вручит Виджай царю царей.

Он спрятался неподалёку от алтаря. Вскоре Викрам подтащил туда тело, а йогин принялся его жечь. Огонь то и дело вспыхивал и выбрасывал из себя весёлые комочки света, живые и пульсирующие. Они облетали вокруг алтаря и по спирали устремлялись к небесам. Бетал на них залюбовался – и вдруг услышал:

— Вот так, сынок, выглядят наши души в очищенном виде. Они летят к Брахме, а он раздаёт их в хорошие семьи.

Бетал обернулся и увидел рядом Бхимасену.

— Не бойся, Девадатта, — сказал демон. — Я прилетел с тобой попрощаться. Сейчас я тоже войду в этот огонь, очищусь и полечу к Брахме. Кстати, и тебе советую.

Бетал покосился на него с недоверием:

— Если это так просто, то почему же ты не сделал этого раньше?

— Я узнал об этом только сегодня, — ответил Бхимасена.

— От Виджая? — ехидно поинтересовался Бетал.

Бхимасена уловил его интонацию.

— Напрасно ты не доверяешь Виджаю, сынок. Он святой и мудрый человек, и ты даже не догадываешься, как много добра он для тебя сделал. Если бы не он, ты летел бы сейчас в пространстве между мирами, изнемогая от

холода и голода. Через миллион лет ты добрался бы до рая – но тебя бы туда и на порог не пустили, вышвырнули бы обратно на Землю. И ты летел бы ещё миллион лет – и всё это время страдал бы и мучился так, что никакие адские муки с этим не сравнятся.

— И с чего это Виджай вдруг взялся спасать меня от мучений? — спросил Бетал.

— У Виджая в этом деле был свой интерес: он охотился на очень хитрого демона, которого не могут видеть даже боги. С большими трудами ему удалось обнаружить, что этот демон прячется в тебе – но тут ты внезапно утонул, а потом отправился пешком на небеса. Стоило тебе замёрзнуть и оголодать – и демон покинул бы тебя, и все поиски пришлось бы начинать сначала. Потому-то Виджай и велел мне срочно вернуть тебя на Землю, загнать в тело, подвешенное на дереве и проследить, чтобы ты из него никуда не улетучился. Он сказал, что через несколько лет придёт и освободит тебя от демона – а потом откроет мне, как избавиться от дурной кармы. Теперь он выполнил оба своих обещания.

— Ах, папочка, папочка! — рассмеялся Бетал. — И ты действительно веришь, что эти искорки могут быть чьи-то душами? Ты подумай хотя бы минутку: если демон был один – значит, у него была только одна душа, верно ведь? Из одной души получилась бы одна искорка – а их здесь сотни, если не тысячи! Откуда здесь может взяться

столько душ? Нет уж! искры это просто искры, а сказки – это просто сказки. Я и сам, когда бродячим пандитом был, ещё и не такие сказки рассказывал!

Бхимасена побагровел и схватился за кнут – но тут же одумался и махнул рукой.

— Что с тобой говорить, Девадатта? Ты великий грамотей, на каждое моё слово у тебя десять – ну и оставайся при своих словах. Прощай, сынок!

И нырнул в огонь, и тут же вспыхнул, слился с пламенем и взвился к небесам весёлой искоркой – в точности такой же, как сотни других. А через пару минут Виджай рассказал Викраму про Пожирателя душ – и до Бетала наконец-то дошло, почему искр так много.

Ему стало неловко – но он всё ещё убеждал себя в том, что Виджаева история может оказаться выдумкой. «Как же мог поместиться во мне этот демон, да ещё и десять тысяч душ внутри него? Нет, это невозможно!» – думал Бетал. И примеру Бхимасены так и не последовал.

Тем временем у алтаря разыгралась нешуточная драма. Виджай попытался загипнотизировать Викрама, тот отрубил ему голову, потом Виджай сгорел, потом на сцене появился Ганеша... Бетал увлёкся действием, про самосожжение и думать забыл - и вспомнил о нём только в самом финале, когда Ганеша лично подтвердил, что

огонь Богини очищает души. Но костёр к тому времени уже почти погас, и Бетал понял, что упустил свой шанс.

Однако он даже не расстроился из-за этого. Во-первых, он знал, что в следующее новолуние огонь загорится снова – а месяц ведь не год, можно и в бродячих духах перекантоваться. Во-вторых, он был уверен, что бродячим духом не станет – он ведь не разбойник, по уши кровью заляпанный, а порядочный пандит с нулевой кармой! Он может прямо сейчас полететь в лес и родиться якшей – а может полететь в Уджайн и попробовать вселиться в новозачатого царевича!

Поразмыслив немного, Бетал решил начать с царевича. Если этот номер не пройдёт – можно будет вернуться к якшам; а если и у якшей ничего не получится – тогда в костёр. И он полетел следом за Викрамом, рассчитывая внедриться в его будущего ребёнка «по-тибетски» – прямо в момент зачатия. Но момент этот неожиданно отодвинулся на неопределённое время. Вместо того чтобы сразу побежать к молодой жене, Викрам Адитья долго и вдумчиво совершал Пинда Даан для Бетала. А потом начались присутственные часы, и он ушёл в тронную залу и просидел там до обеда; а потом ещё до вечера какие-то государственные дела решал. И всё это время разум его был ясным, а тело бодрым – в точности так, как пожелал Ганеша.

Беталу же с каждой минутой становилось всё хуже и хуже. Пинда Даан его поддержал и подкрепил, но

ненадолго. Сидя под царской кроватью, он к полудню промёрз до глубины души. Захотел погреться, вылетел за окошко – и чуть не испарился от жары, а вдобавок почти ослеп от яркого света. Перепугался, ошалел, забился в ближайшую тёмную щель и решил никуда уже не летать, пока не наступит ночь.

Свернулся клубочком и уснул. И приснился ему долгий сон с приключениями - про войну да про любовь да про всякие чудеса. И его персонаж там был героем и умником номер один, и звали его Ванара (во сне Бетал никак не мог вспомнить, откуда это имя взялось и что оно значит). А потом Ванара победил своих братьев и назвался Сугривой. И Бетал по ходу дела забыл о том, что ему надо к вечеру просыпаться и в царевича воплощаться. И даже имя своё перестал вспоминать – растворился Бетал в Сугриве и полностью погрузился в его сюжет.

А у Сугривы было восемь матерей и двадцать четыре сестры, и на всех он хотел жениться. Во сне это считалось как бы нормально, все его братья хотели того же самого. Но отец у них был могуч и свиреп и, вдобавок, владел какой-то боевой магией. Он заграбастал себе всех женщин и никому на них жениться не давал. И умирать не собирался, хотя по возрасту уже давно пора было.

Однажды Сугрива сказал своим братьям: «Давайте вместе убьём отца, а потом поделим женщин». Братья

объединились и пошли войной на отца. Но мощный старик их в два счёта разогнал, а Сугриву выгнал на край света. Там он повстречал своего деда и узнал от него, что не всегда отец был таким мощным. Сверхчеловеком он стал после того как съел волшебный плод, который украл у великанов. И с тех пор ни один смертный не способен его победить, и он будет жить до тех пор, пока ему не надоест.

И Сугрива отправился к великанам за волшебным плодом. Поступил к ним на службу, научился понимать их язык, подружился с младшим сыном главного великана и стал ему как бы за младшего брата. Великанов сын ещё маленький был, никаких секретов не знал – но Сугрива надеялся, что скоро он подрастёт, и взрослые посвятят его во все свои великанские тайны.

Так оно и вышло. Когда исполнилось юному великану двенадцать лет, вручили ему книгу, в которой была записана история Сугривиного отца! Юноша прочёл её вслух, и Сугрива узнал, что волшебные плоды не растут во дворце: их приносит откуда-то издалека седобородый старец по имени Виджай. Из этого рассказа не было ясно, кто такой Виджай и где он берёт эти плоды; но в книге было ещё много других историй. И Сугрива решил внимательно прослушать их все – возможно, они приблизят его к разгадке.

Однако в следующей истории не было ни слова о том, что интересовало Сугриву. Там сын убил своего отца,

но не смог жениться на матери, потому что она убила себя – и тогда он тоже убил себя. А за нею была другая, ещё нелепее: о великане, который долго разыскивал одну великаншу, наконец до неё добрался – но ничего с ней сделать не смог. И тогда он умер от отчаяния, а она тоже умерла, и кто-то ещё там умер – короче, опять все умерли, и никаких волшебных плодов.

Плоды появились в следующей истории, вполне себе волшебные, но по-другому. Одна девица приманивала ими женихов, а потом её похитил ракшас Пахарендра. Женихи не стали убивать себя, а полетели убивать Пахарендру! Эта история нравилась Сугриве всё больше и больше, а Бетала от слова «Пахарендра» всякий раз слегка корбило: он-то помнил, что ракшаса звали по-другому! Он дёргался, ворочался, и, в конце концов, воскликнул раздражённо:

— Да не Пахарендра же! Пар-ва-то-па-ма!

И проснулся от собственного крика. Но молодой великан, который ему снился, никуда не исчез. Наоборот, на него как будто резкость навели, и на всю окружающую обстановку тоже. Бетал увидел, как юноша вздрогнул и огляделся по сторонам, как будто не мог понять, кто произнёс эти слова. А потом уткнул нос в книгу, нашёл там имя ракшаса и прочитал по буквам:

— Па... Ха... Ра с хвостом сверху – Ро? нет, Ре!... Н-Да, усики внизу – Ндра... Пахарендра!

И продолжил читать – а Бетал помаленьку смекнул, что это как бы не совсем сон. Паренёк, например, на самом деле есть. Но он не великанский, а обычный человеческий. Похожий на Викрама Адитью – возможно даже, его сын. Возможно даже, тот самый, в которого Бетал собирался воплотиться.

«А кто же тогда я?» — подумал Бетал и бросил беглый взгляд на своё новое тело. Серебристая шерсть, длинные руки, длинный хвост – ну, в общем, всё ясно. Уютный закуток, куда он спрятался от жары, оказался обезьяньей утробой с готовым зародышем. Да уж, не стоило засыпать в непроверенном месте!

И Бетал перестал слушать свою сказку и задумался о том, что же делать дальше. Заснул он неосторожно – а проснулся, похоже, и вовсе зря. После пробуждения жизнь лишилась романтики, чудеса стали ненужными, подвиги нелепыми, а сам Бетал превратился из сказочного героя в ручную обезьянку. Всё это было обидно и унижительно, хотелось снова заснуть и больше не просыпаться – но Бетал чувствовал, что теперь уже не сможет по-серьёзному любить своих мохнатых красавиц и воевать со своим смешным отцом. А с другой стороны, и претендовать на место среди людей в таком обличье тоже несерьёзно. Хоть Пураны им читай, хоть Веды – они ведь слушать не будут, они будут на говорящую обезьяну глазеть! А может быть, лучше вообще с ними не разговаривать? Сделать вид, что не просыпался, притвориться

бессловесным животным и молча дожить свой век – обезьяны ведь живут недолго, лет двадцать всего...

Короче говоря, в этот вечер Бетал больше ни слова не сказал. А когда царевич лёг спать, он улизнул из дворца и поскакал в лес к Сильвараджу.

Лесной царь опознал его с первого взгляда, несмотря на радикально изменившийся облик.

— Привет, Бетал! — воскликнул он. — Ты где пропадал?

Бетал попытался ответить коротко, но Сильвараджу, как всегда, хотелось знать как можно больше. Пришлось рассказать ему и про Виджая, и про Бхимасену, и про Сугриву... Тем временем подтянулись и другие якши, и Беталу пришлось начать свой рассказ заново – для тех, кто ещё не слышал. А потом ещё и ещё, и с каждым пересказом он становился всё запутаннее и увлекательнее. И Бетал всё меньше и меньше чувствовал себя обезьяной. Якши как будто не замечали, что у него теперь длинный хвост и серебристая шерсть – якши снова слушали своего любимого сказочника и были счастливы.

— Да, интересная у тебя жизнь! — сказал Сильварадж. — А у нас тут за двенадцать лет ничего не изменилось, как видишь. Лес шумит, птички поют... вот только на тамаринде никто не болтается... Перебирайся уже к нам, что ли?

— Перебирайся, перебирайся! — зашумели якши. — Без тебя тут так скучно!

И Бетал вернулся на свой тамаринд. А на следующий день его навестил Викрам Адитья – сообщили царю, что сказочник нашёлся, и он тут же оставил все дела, и даже на троне в тот день не сидел, а сразу в лес поспешил. И Бетал рассказал ему свою новую историю, а потом и ещё несколько очень старых историй – он ведь все их помнил, ни одной не забыл! А Викрам Адитья откомандировал в лес своих писарей, и они много лет подряд за Беталом все сказки записывали. Так и появился на свет самый первый «Океан Сказаний». Включили в него и историю про индийского покойника, которого царь Викрам из лесу выносил. Оттуда она перешла к призракам, от призраков к Сомадеве, от Сомадевы к Навасуме, а от Навасумы ко мне. И я пересказал её как запомнил, и здесь она заканчивается. Спасибо за внимание.

Комментарии

«Индийский покойник» - вольный, очень вольный пересказ книги Навасумы «Vikram Betaal Stories» (Bangalore, Vasan Book Depot, 1995), которая, в свою очередь является пересказом «Двадцати пяти рассказов ветапы» Сомадевы, которые, в свою очередь, являются переводом некой более старой книги, написанной на языке кладбищенских призраков (пишачей). В Индии эта история супермегаизвестна: по ней сняты и мультфильм, и телесериал, и её сразу же опознавали все индийцы, которым я рассказывал о своём проекте. В СССР и РФ она тоже не раз издавалась по-русски (например, в книге «Океан сказаний» (М., «Эксмо», 2008)), но большой популярности почему-то не получила.

При пересказе основной упор делался на то, чтобы сделать историю как можно более реалистичной (как бы парадоксально это ни звучало). Потому-то Бетал в моём варианте стал пандитом и коллекционером сказок. У Сомадевы он происходит из очень низкой касты маслоделов, у Навасумы он младший брат Виджая – ни то, ни другое не объясняет, откуда он знает столько историй и почему умеет так красиво и грамотно их рассказывать. С другой стороны, хотелось, чтобы царь Викрам выглядел не таким идиотом, как в оригинале – там он раз за разом тупо снимает покойника с дерева и тащит его из леса, даже не пытаясь как-то противодействовать его козням. Ну и, кроме всего прочего, во всех историях пришлось

дорисовывать фон и характеры персонажей: оригинал-то крайне конспективен, практически голый сюжет и всё.

«Индийский покойник» писался с декабря 2008 по май 2009 гг. в Гокарне, Пури, Варанаси и Манали, публикуясь в интернете по мере написания - не только в виде текстов, но и в аудиоверсиях. Таким образом, я знал продолжительность звучания каждого рассказа и довольно быстро понял, что 25 историй попросту не поместятся в одну стандартную индостанскую ночь. Пришлось сократить их количество до семи, так оно больше похоже на правду жизни.

Для тех, кто пожелает сверить мои пересказы с исходными индийскими текстами, вот небольшая табличка соответствий:

	Сомадева	Навасума
Первый рассказ Бетала	№ 4	2. Supreme Sacrifice
Второй рассказа Бетала	-	20. True Love
Третий рассказ Бетала	№ 6	7. The Correct Choice
Четвёртый рассказ Бетала	№ 13	8. Marriage Is Sacred
Пятый рассказ Бетала	№ 1	4. Responsibility
Шестой рассказ Бетала	-	18. The Benevolent Boy
Седьмой рассказ Бетала	№ 16	19. The Real Father

Глоссарий к «Индийскому Покойнику»

Арджуна — дальний предок царя Викрама Адитьи, лучший стрелок за всю историю Индостана. Один из пяти братьев Пандавов, оставивших глубокий след в истории Индии. Изображается в виде усатого атлета в высоком шлеме, непременно с луком и стрелами.

Ашрам (от санскритского *ашири* – «найти себе убежище») – общежитие для духовных людей. Ашрамы есть во всех паломнических центрах и в местах, где живут уважаемые духовные учителя. У особо популярных учителей ашрам разрастается в небольшой городок, вроде университетского.

Баньян – форма, которую рано или поздно принимает любое дерево, умеющее пускать корни из веток – разумеется, если вовремя их не обрывать. Корни врастают в землю, превращаются в новые стволы, и по итогу одно дерево может занять несколько гектаров, и никто никогда не разберёт, где у него центральный ствол и центральный корень. Более половины всех баньянов, растущих в Индии – это фикусы бенгальские, иногда называемые «религиозными» (в честь того, что под одним из них обрёл просветление Будда).

Бетель – растение из семейства перечных. В его листья заворачивают смесь из толчёных орешков арековой

пальмы, негашёной извести, специй, табака и всякого малосъедобного хлама, перевязывают ниткой и продают индийцам. Это угощение называется «пан»; его не едят, а жуют и сплёвывают. Считается, что оно повышает потенцию у мужчин и сексуальное желание у женщин.

Богиня (на санскрите «Девы») – главная индуистская богиня, воплощениями которой являются чуть менее чем все остальные богини. Иногда её называют Праkriti («Изначальная»), иногда – Шакти («Способная»). Изображением Богини можно считать практически любое женское мурти, вне зависимости от того, как оно подписано.

Бом Шанкар! – шиваитское приветствие (см. Шайвы).

Брахма – верховный бог современного индуизма, создатель Вселенной и автор всех человеческих судеб. Изображается многоликим и многоруким, с атрибутами царской власти в руках. Есть мнение, что вся так называемая «объективная реальность» является сном, который снится Брахме – а когда он проснётся, произойдёт понятно что.

Брахманы – высшее сословие индуистского общества, хранители его законов и традиций. Не все брахманы служат в храмах – в принципе, они могут заниматься чем угодно, кроме работ, которые по брахманским понятиям считаются оскверняющими. Все индусы, включая царей

и президентов, обязаны беспрекословно подчиняться брахманам – в противном случае они рискуют испортить себе карму.

Будха – царь планеты Будха (на Западе её называют Меркурием). Пару миллионов лет назад обитал на Земле и стал одним из прародителей Лунной династии.

Бхагаван (от санскритского бхага – «покровитель» либо «распределитель благ») – титул, которым можно именовать любого бога, полубога или святого. Самый известный из ныне живущих бхагаванов – Шри Сатья Сай Баба, менее известных около сотни или даже больше.

Бхайрава («Устрашающий») – очень сильно разгневанный Шива. Изображается в виде многорукого монстра, опоясанного черепами и змеями.

Бхима – самый сильный из братьев Пандавов, мастер боя на палицах. Известен, в частности, тем, что голыми руками убил ракшаса Хидимбу и женился на его сестре.

Бхута – злой дух, способный сотворить более 9000 всяких пакостей. Иногда он вселяется в людей, но чаще просто так гуляет и безобразничает. Самые страшные и сильные бхуты служат в свите Шивы. В европейской мифологии аналогичных персонажей называют «демонами».

Бхутешвара – Шива в роли повелителя демонов (см. Бхута).

Вайшнав (*вишнуиты*) – индусы, которые считают своим главным богом Вишну (или Кришну, Раму, Нараяну, Нарасинху, Вараху, Джаганнатху – это всё как бы одно и то же).

Веды – священные гимны на древнем языке, отдалённо напоминающем санскрит. Если собрать их все вместе, получится несколько томов размером с Библию. Веды испокон веков являются базовым текстом индуизма: все брахманы учат их наизусть полностью или хотя бы частично. Текстам из Вед приписываются магические свойства; кое-кто даже утверждает, что там содержатся знания обо всём на свете, включая космические технологии и мобильную связь.

Веталы – бездомные духи, обитающие на деревьях. Иногда вселяются в мёртвые тела; такого «ожившего мертвеца» тоже называют веталой.

Викрам Адитья (*индийцы обычно пишут слитно: «Викрамадитья»*) – легендарный индийский царь, правивший в начале новой эры. Стал героем множества сказок, в связи с чем на Западе его иногда называют «индийским королём Артуром». Имя «Викрамадитья» было весьма популярно у последующих индийских царей, в связи с чем за легендарного древнего Викрама

иногда принимают Чандрагупту II Викрамадитью (IV в.) или Самрата Хему Чандру Викрамадитью (XVI в.). Но эти Викрамы совсем не сказочные, а вполне обычные исторические личности.

Ганеша – сын Богини и Шивы. По ряду обстоятельств, вынужден был сменить свою исходную голову на слоновью – впрочем, это пошло ему на пользу. Почитается как бог мудрости, удачи, богатства и вообще всего хорошего. Один из самых популярных богов в современном индуизме.

Гхаты – традиционная индийская набережная. Строится в виде каменных ступеней, спускающихся к воде. Благодаря такой конструкции, на ней удобно не только прогуливаться, но и мыться, стирать одежду, поить скотину, жечь покойников, медитировать и много ещё чем заниматься.

Дваждырождённые (санскр. *двиджа*) – представители высших сословий индусского общества: брахманы, кшатрии и вайшьи (купцы). Называют их так потому, что в детстве они проходят через ритуал повязывания священного шнура, после которого как бы рождаются заново.

Джаганнатха — Повелитель Вселенной. Изображается в виде квадратного чёрного чурбана с большими белыми глазами, большим улыбающимся ртом и маленькими ручками. Вайшнавцы почитают его как частичное

воплощение бога Вишну, все остальные – просто как хорошего доброго бога, который исполняет любые желания. На Западе он известен под именем Джаггернаут – да-да, тот самый, у которого страшная колесница.

Джи – «уважаемый» на санскрите и хинди.

Драупади – общая жена братьев Пандавов, идеальная красавица и умница, разделившая с ними все лишения и горести их замысловатой жизни. Однажды была проиграна старшим мужем в кости, однако сумела не только отстоять свою честь и свободу, но и вызволить из рабства всех своих мужей, которых этот герой тоже проиграл.

Дурга – умеренно разгневанная Богиня. Изображается многорукой вооружённой красавицей, оседлавшей тигра.

Индра – царь богов, громовержец, покровитель воинов и царей. Изображается тысячеглазым, восседающим на трёхголовом слоне, или же без слона. Когда-то был главным богом индусского пантеона, затем уступил место триумвирату «Брахма – Шива – Вишну».

Калакута – смертельный яд, способный уничтожить все живое на Земле. Согласно Пуранам, всю калакуту давным-давно выпил Шива – но время от времени появляются сведения, что несколько капель этого яда всё-таки где-то сохранилось.

Кали (санскр. «Чёрная») – сильно разгневанная Богиня. Чёрная, тощая, многорукая, клыкастая, увешанная отрубленными головами.

Кауравы – двоюродные братья Пандавов. Было их сто человек, и все они были отпетыми негодьями. Из-за их козней произошла битва на Курукшетре, в которой они все и погибли.

Кираты – непальцы и тибетцы.

Киртан – хоровое пение индусских религиозных гимнов.

Курукшетра – поле в 200 км к северу от Дели, на котором произошла самая масштабная битва в истории Индии. Возникла она из-за ссоры между двоюродными братьями: сыновьями Панду (Пандавами) и сыновьями Дхритараштры (Кауравами). В битве участвовали войска всех государств Индостана и все выдающиеся герои того времени; большинство из них там и полегло. Победили, конечно же, Пандавы; а было это примерно 6000 лет назад.

Кшатрии – индийские дворяне.

Ланка – остров Шри Ланка (Цейлон) и одноимённый город на нём, которого давно уже не существует. Когда-то там жили ракшасы; но их царь однажды весьма самоуверенно похитил жену человеческого царевича Рамы.

В ответ на эту наглость объединённые войска людей и человекообезьян (ванаров) разгромили Ланку и уничтожили весь цвет ракшасской аристократии. Цивилизация ракшасов не оправилась от этого удара до сих пор.

Лунная династия – царский род, от которого ведёт своё происхождение большинство раджпутов. Основоположником династии считается бог Луны Чандра; её наиболее выдающиеся представители – Будха, Пандавы (и их двоюродные братья Кауравы), Викрам Адитья и т.д.

Махарана – то же, что махараджа, вариант царского титула в Индии.

Мокша – освобождение из круговорота рождения и смерти (самсары) и всех страданий и ограничений материального существования.

Мурти – индусская икона. Обычно представляет собой барельеф, вырезанный на камне, или каменную статую; однако в качестве мурти может использоваться в принципе любое изображение богов, даже вырезанное из глянцевого журнала.

Нарасимха – человек-лев, который в давние времена растерзал одного очень могущественного ракшаса. С тех пор все ракшасы трепещут от одного имени Нарасимхи. Это сказочное существо на самом деле было воплощением бога Вишну.

Пандавы – пятеро сыновей древнего индийского царя Панду, который правил в Хастинапуре 6000 лет тому назад. Зачаты они были, впрочем, не царём Панду, а пятью главными богами тогдашнего индусского пантеона. Пандавы были идеальными кшатриями без страха и упрёка, но им сильно не повезло с двоюродными братьями (см. Кауравы). Из-за этих негодяев Пандавам пришлось полжизни скитаться по лесам, а затем ещё и сражаться с ними на Курукшетре.

Пандит – учёный брахман, знаток Вед и ритуалов. Это звание примерно соответствует нашему «профессору» – т.е., даётся далеко не всем брахманам.

Парашурама (*«Рама с топором»*) – древний брахман, профессионально истреблявший кшатриев незадолго до битвы на Курукшетре. Причин для этого было более чем достаточно: в то время кшатрии обнаглели до крайности, перестали уважать брахманов и разоряли страну бесконечными войнами. Парашурама начал свою деятельность в районе нынешнего Гоа и постепенно очистил от кшатриев всю Юго-Восточную Индию, включая Махараштру. В конце концов выяснилось, что на самом деле он был воплощением бога Вишну.

Пинда Даан (санскр. *«приношение щепотки [пищи]»*) – жертвоприношение духам предков.

Пураны – индусские священные писания. В отличие от Вед, написаны на санскрите и не являются

религиозными гимнами, но содержат более или менее внятное изложение индусской мифологии, космологии, паранаучных знаний и т.д. Основных Пуран 20, дополнительных – очень и очень много.

Раджпуты (*«дети раджей»*) – североиндийские кшатрии, потомки Огненной, Солнечной и Лунной династий. У настоящего раджпута обязательно должны быть усы, серьги, сабля и тюрбан (впрочем, вместо тюрбана возможны шлем или корона). Историки утверждают, что раджпуты произошли от «белых гуннов», вторгшихся в Индию в IV в., но вся индийская культура с этим не согласна. И Пандавов и Викрама Адитью (а все они жили задолго до IV века!) индийцы изображают в раджпутских нарядах, и многие раджпутские кланы числят этих героев среди своих предков.

Ракшасы – раса великанов-людоедов, обладающих сверхъестественными способностями. Многие герои индийского эпоса воевали с ракшасами – и, конечно же, их побеждали. Особенно в этом отличились Рама, Нарасинха и Бхима.

Рама – древний индийский царь, который в юности совершил поход на Ланку и истребил тамошних ракшасов. Любые мантры и гимны, где упоминается Рама, до сих приводят ракшасов в страх и трепет.

Санскрит – специальный брахманский язык, созданный на основе Вед. Простым индийцам понятен примерно так же, как нам церковнославянский.

Сари – традиционная женская одежда в Индии, представляющая собой кусок ткани, особым образом оборачиваемый вокруг тела.

Свами (*санскр.* «хозяин») – обычная приставка к имени уважаемого духовного учителя.

Синдх – древнее название реки Инд.

Сомадева – кашмирский поэт XI века, собиратель сказок. Составил и записал самую известную версию истории о Викраме и Бетале – «Двадцать пять рассказов Веталы».

Тамаринд – дерево вроде акации. Стручки у него крупные, а семена большие и сладкие.

Тилак – священный знак, который индусы рисуют у себя на лбу, приступая к выполнению религиозных обрядов. У разных сект он разный: например, у вайшнавов это что-то вроде буквы U, у шайвов – три горизонтальные полосы.

Трета-юга – Серебряный век. Согласно брахманской хронологии, закончился 3 000 000 лет назад. В этом веке

люди ещё были подобны богам, но уже воевали между собой и обманывали друг друга. Типичные герои Трета-юги – Рама и Парашурама.

Хануман – древний герой из расы ванара (человеко-обезьян), преданный слуга Рамы. Воевал с ракшасами; однажды перепрыгнул с континента на остров Ланку и поджёг их столицу. С тех пор имя Ханумана внушает ужас любому ракшасу.

Чандика – разгневанная Богиня. Изображается чёрной и восемнадцатирукой.

Чёрная Мать («Кали Ма») – см. Кали.

Шайвы (*шиваиты*) – индусы, которые считают своим главным богом Шиву.

Шакты – индусы, которые поклоняются преимущественно Богине во всех её формах (см. Дурга, Кали, Чандика).

Шастры (*санскр.* «предписания») – наставления древних мудрецов, в более широком смысле – вообще любые учебники и трактаты. В «Индийском покойнике» под «шастрами» подразумеваются дхармашастры – т.е., наставления о том, как следует себя вести благочестивому индусу.

Шива – муж Богини, самый почитаемый бог в современном индуизме. Покровитель аскетов и йогов, разрушитель иллюзий, повелитель демонов. Изображается в виде синекожего мужчины с высокой причёской; одет в леопардовую шкуру, в руках трезубец.

Шри – «господин» или «господь».

Якши – индийские лешие. Хранители территорий и сокровищ, слуги бога богатства Куберы. Иногда бывают карликами, иногда великанами, но чаще всего имеют нормальный человеческий рост. Тела их источают аромат, а кожа светится.

Яма – царь загробного мира. По мнению многих индусов, душа, покинувшая мёртвое тело, сперва отправляется на суд к Яме, а затем – согласно приговору. Если плохо себя вела, может и в ад попасть, такое понятие у индусов тоже есть.

Новые приключения Викрама и Бетала
в новой повести Дмитрия Гайдука

वृत्रिमतो लक्ष्मि

или

*Большое путешествие
Викрама Адитьи*

Повесть постепенно пишется с 2012 года на основе «Тридцати двух историй царского трона», «Шани-махатми» и множества других фольклорных и книжных историй о прославленном Викраме Адитье, царе царей индийских. Все главы, написанные до конца 2016 года, можно прочесть в ЖЖ Дмитрия Гайдука <http://ganja-jungle.livejournal.com> по тэгу «90 месяцев» или прослушать и скачать на <http://haiduk.podfm.ru/90mesyacev/>.

Это длинная и чрезвычайно запутанная история о том, как Викрам научился искусству превращения и за эту науку должен был отслужить своему учителю девяносто месяцев – то есть, семь с половиной лет. Началась она в Уджайне, задолго до событий, описанных в «Индийском покойнике» – а закончилась на другом конце Индии, в штате Трипура, куда Викрам попал в результате очень сложного и драматичного стечения обстоятельств, пройдя всю Индию с запада на восток

через крайний север. За это время он успел несколько раз умереть, несколько раз воскреснуть, дважды жениться и выслушать историю собственного путешествия – с удивлением и крайним недоверием к её фантастическим подробностям.

Кроме уже знакомого вам Бетала, в истории участвуют сыновья Викрама Адити, его старший брат, хитроумный тантрик Бхайравананда, великий йогин Шри Горакша Натх, цари трёх стран, раджи двух княжеств, брахманы, воины, артисты, буддисты, боги, небожители, обезьяны, попугай, ветапы и всевозможная индийская нечисть во всём её потрясающем разнообразии.

Завершение и публикация повести ожидаются в конце 2017 года. Заявки на книгу принимаются уже сейчас в личных сообщениях на <https://vk.com/haidux> и <https://www.facebook.com/hajduk1964>.

СОДЕРЖАНИЕ

Как Викрам Адитья с Беталом познакомился	5
Первый рассказ Бетала	15
Второй рассказ Бетала	25
Третий рассказ Бетала	35
Четвертый рассказ Бетала	49
Пятый рассказ Бетала	65
Шестой рассказ Бетала	83
Седьмой рассказ Бетала	97
Как Викрам вывел Бетала из леса	121
Как Виджай вручал Викраму истинное сокровище . . .	131
Как Ганеша всё разъяснил	141
Что случилось с Беталом	161
Комментарии	173
Глоссарий к «Индийскому Покойнику»	175
Новые приключения Викрама и Бетала	188

Литературно-художественное издание

Дмитрий Гайдук

Уни́версальный покло́ник

Редактор *Екатерина Ваниенкина*

Художник *Фукс Дефинбахер*

Вёрстка *Анастасия Лобаненкова*

Подписано в печать 12.12.2016

Формат издания 70×100/32

Усл.печ.л. ????? Тираж 500 экз.

Изд.№ ?????. Заказ № ?????.

Авторское издание Дмитрия Гайдука

E-mail: hajduk1964@gmail.com

Отпечатано ???????

???????